АКАДЕМИЯ МАГИИ
ТАТЬЯНА БОГАТЫРЕВА
ЕВГЕНИЯ СОЛОВЬЕВА
ВЫСШАЯ ШКОЛА ИМЕНИ ПЯТНИЦЫ, 13
ЧУВСТВО ЕЖА

Академия Магии

Татьяна Богатырева

Высшая школа имени Пятницы, 13. Чувство ежа

«Эксмо»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Богатырева Т. Ю.

Высшая школа имени Пятницы, 13. Чувство ежа /
Т. Ю. Богатырева — «Эксмо», 2017 — (Академия Магии)

ISBN 978-5-699-97325-5

Не трогайте музейные экспонаты, о которых ходят страшные легенды, – эти легенды могут оказаться правдой! А уж если привлекли внимание бессмертного, бегите как можно дальше и прячьтесь! К примеру, в учебном заведении, которого нет ни на одной карте мира.Вы готовы учиться видеть невидимое, читать в душах и проходить практику на Той стороне? Влюбляться и ненавидеть, спасать друзей и разоблачать врагов? Играть со Смертью в догонялки, не надеясь на помощь папы-дракона, и встретиться со своей Судьбой? Тогда Высшая школа им. Пятницы, 13 ждет вас!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97325-5

© Богатырева Т. Ю., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Пролог 6
Глава 1, 10
Глава 2, 16
Нелирическое отступление номер раз 23
Глава 3, 26
Глава 4, 31
Глава 5, 36
Еще одно отступление, почти лирическое 42
Глава 6, 45
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Татьяна Богатырева
Евгения Соловьева
Высшая школа имени Пятницы, 13. Чувство ежа

© Богатырева Т. Ю., Соловьева Е. С., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Свет фонарика метнулся по музейному залу, остановился на витрине с древним фолиантом, скользнул влево – и пугливо погас, наткнувшись на что-то…

Здесь кто-то есть?

Виола замерла в устье потайного хода, прижимая фонарик к груди. Сердце колотилось как бешеное, в слабом лунном свете едва угадывались контуры рыцарских доспехов.

Уф… просто доспехи, не привидение. И не охрана. Досадно было бы попасться именно сегодня, в свой шестнадцатый день рождения.

Снова включив фонарик, Виола на цыпочках подошла к простенку, где висела она. Ее сегодняшняя добыча. И протянула руку, не решаясь дотронуться.

«…находили на следующее утро мертвыми, с гримасой ужаса на лицах и с руками, стертыми в кровь. Последний, кто посмел прикоснуться к ней, похоронен за оградой церкви, как самоубийца…»

Значит, я умру ужасной смертью завтра утром? Ну-ну. Посмотрим на тебя, ужасная смерть.

Хмыкнув, Виола сняла со стены гитару. Изумительную, покрытую резьбой, по легенде – работы чуть ли не самого Бенвенуто Челлини[1]. На эту гитару Виола засматривалась уже года три, с тех самых пор, как услышала звук такого же старинного инструмента. Но брать что-то из музея отец категорически запрещал, и Виола даже не просила – знала, что откажет.

Хотя почему – не понимала. Ведь ничего с гитарой не случится, если Виола немного на ней поиграет! Даже выносить отсюда не будет, она же не воришка.

Просто сядет вот в это кресло, настроит…

Она тронула струны и мечтательно улыбнулась: гитара звучала просто божественно! Немного расстроена, но это такие мелочи! Она, бедняжка, уже лет пятьдесят висит в этом музее, никто на ней не играет, только мсье Ученый Моль каждый четверг рассказывает туристам страшные байки, а туристы ахают, охают и пытаются тайком сфотографировать экспонаты на телефон.

Скука смертная.

Но ничего, сейчас мы еще на четверть тона подтянем колок, и ты снова оживешь, моя прелес-с-ть!

Виола тихо засмеялась и взяла первый аккорд. Пожалуй, в честь знакомства с гитарой она сыграет павану «На смерть инфанты» Форе[2], как раз подходит к случаю. Ей же грозит ужасная смерть от рук, а может быть, и клыков таинственного маньяка…

Как, должно быть, ему скучно годами ждать, когда же кто-то коснется гитары и можно будет снова вылезти из могилы и заняться делом! Любимым делом, наверное.

Слышишь, маньяк? Я уже играю! А как звучит! Бог мой, как она звучит!..

Виола искоса глянула на дверь, откуда должна была явиться таинственная смерть. Ну, если верить легенде о проклятии.

Но дверь так и осталась закрытой, никто не явился, даже самый завалящий призрак. Зря мсье Ученый Моль клялся, что замок в Лиможе[3] просто кишит привидениями. Нет здесь

---

[1] Бенвенуто Челлини (итал. Benvenuto Cellini; 3 ноября 1500, Флоренция, – 13 февраля 1571, Флоренция) – многогранная личность редкого таланта и еще более редкой скромности, о чем свидетельствуют его собственные мемуары. Родился в семье мастера музыкальных инструментов, прославился как ювелир и скульптор. Ни об одном музыкальном инструменте его работы официальной истории не известно. – *Прим. авт.*

[2] Видимо, Виола имеет в виду вольное переложение для гитары.

[3] История утверждает, что замок в Лиможе (Франция) построен в XII веке, а его обитатели периодически умирали насильственной смертью при весьма трагических и загадочных обстоятельствах. Есть вероятность, что мсье Ученый Моль прав, а

ничего сверхъестественного, кроме волшебного торта «Эстерхази», который готовят на замковой кухне. Уже готовят, ведь утром – ее день рождения. Вот бы отец подарил ей эту гитару!

Она так явственно себе представила, как разрезает ленточку на коробке, разворачивает хрустящую бумагу и вынимает гитару, что совершенно не заметила, как в зале кто-то появился.

На подоконнике открытого окна, которое всегда было заперто.

На третьем этаже.

Виола замерла, прижав к себе гитару, и попыталась слиться с креслом. Получится же, наверняка получится, наверняка ее не заметят в темноте!

Ведь это не может быть маньяк из проклятия, правда? Ведь легенды – это всего лишь легенды, и на самом деле не бывает[4]…

Незнакомец спрыгнул на пол. Без единого звука, даже шороха. Как в телевизоре с выключенным звуком.

Сделал шаг, второй – к Виоле.

Она затаила дыхание, чувствуя себя кроликом перед удавом и опасаясь отвести от незнакомца взгляд хоть на миг. Ведь это глюк, правда же? На окне сигнализация, никто не может сюда забраться! И в парке – волки, они бы не пропустили чужака!

Папа, папа, мне страшно!

Можно я проснусь? Я не хочу смотреть дальше!

Виола внезапно поймала себя на том, что почему-то отлично видит в темноте. И даже, кажется, узнает его – страшного незнакомца. Она уже видела этот безупречно элегантный светлый костюм, эти идеально уложенные черные волосы, выразительный нос и холодные, прозрачные, мертвые глаза.

Но где?

Почему-то показалось, что если она вспомнит, то ужасное наваждение рассеется.

А знакомый незнакомец вдруг оказался совсем близко, искривил рот в неестественной гримасе – то ли злобной, то ли презрительной.

Да, она точно его знает, и надо только назвать его по имени… по имени… она должна вспомнить его имя!..

Но вспомнить Виола не успела. Только закричать, тонко и пронзительно, срывая голос:

– Нет! Па!.. – когда незнакомец прыгнул к ней, вырвал из ее рук гитару, замахнулся…

Боли она тоже почувствовать не успела. Только удивление. И – вспышку чего-то не похожего ни на свет, ни на тьму… Ни на что не похожего.

А потом, как-то сразу, в зале оказался отец. Вылетел из стены, которая заклубилась туманом и разошлась, остановился напротив… Только смотрел не на нее, а куда-то ниже. Кажется, на этого… маньяка. А маньяк держал, как-то очень неудобно и неловко, нескладную девчонку в пижаме. Кажется, она не дышала…

Да ведь это же я! Это меня он держит, одной рукой обхватил затылок, другой подбородок, и держит! И моя гитара… обломки гитары рядом! А в руке отца пистолет, и сам он… ой, мама… почему у него глаза светятся красным? И почему он такой большой, словно едва умещается в зале, и у него тень с крыльями?.. Очень странное видение!

– Отпусти ее, ублюдок, – прорычал отец.

В самом деле прорычал, даже стекла задрожали. И почему-то в воздухе заплясали искры и явственно запахло паленым.

Но отец не прав, не надо маньяка называть ублюдком, надо – по имени. Сеньором Кановой. Вот теперь Виола совершенно точно вспомнила, где и когда его встречала. Год назад, в

привидения всего лишь не желают показываться на глаза слишком активной и любопытной девочке, ибо предпочитают пугать тех, кто пугается, а не поливает их «святой» водой из бутылки с надписью «Кола». – *Прим. авт.*

[4] Мсье Ученый Моль бы не согласился с мадемуазель Виолой, но кто ж его слушал! – *Прим. авт.*

Париже, на мюзикле «Нотр-Дам». Он еще тогда не поверил, что Виола – дочь своего отца. И произносил их фамилию неправильно.

А сеньор Канова вовсе не испугался. Наверное, не видел тени с крыльями – это только ее глюк. Личный.

Он сдул падающую на глаза прядь и растянул губы в улыбке. Тоже какой-то неправильной. Наверное, потому, что у сеньора Кановы были очень острые зубы, как у рыбы. И глаза – как стекло, блестящие и неживые.

– Поклянешься не удерживать меня и не причинять вреда – отпущу.

И голос был странным. Виола помнила – приятный был голос, бархатный и глубокий. А сейчас звучал резко и пусто, как эхо в заброшенном доме.

– Если ты отпустишь ее прямо сейчас, живой, и поклянешься своей душой и жизнью никогда больше не трогать – сможешь уйти, – сказал отец; в его голосе слышались раскаты грома. – Тогда и я поклянусь, что ни я, ни мои вассалы не тронем тебя.

Вместо ответа сеньор Канова отрывисто засмеялся.

– Душой? Да запросто!.. – Смех резко перешел во всхлип, из стеклянных глаз потекли слезы. – Душой и жизнью, видит Господь, клянусь не причинять вреда твоей девчонке! Сдалась она мне! И да провалишься ты в ад…

Он толкнул безвольное тело прямо в руки отцу, отбросил обломки гитары и тенью вскочил на подоконник. И прыгнул – не вниз, а вверх, растворяясь в лунном свете.

И только тогда замок ожил. Разочарованно заскрипел дверьми, внизу, в парке, злобно завыли. Противно запищала сигнализация. Словно проснулась.

А на пороге возник старый Франсуа, виновато комкая колпак и искоса глядя на отца. Тяжело вздохнул.

– Что стоишь? Неси спирт и бинты, зови…

Отец не договорил – Франсуа уже исчез. И крылатая тень исчезла. Все стало как обычно, только свое тело Виола по-прежнему видела сверху и со стороны.

Но ведь она не умерла, нет? Иначе бы отец не требовал бинтов! Нет, ей слишком рано умирать, ей всего шестнадцать! Она вообще не хочет умирать!

– Все будет хорошо, моя девочка, – шепнул отец и поцеловал ее в висок.

А потом подошел к стене… Не к двери, а к стене, завешенной гобеленом с изображением умирающего Роланда, и шагнул в нее. В стену. Прямо в стену! И прошел, между прочим, насквозь, прямо в Виолину комнату! То есть с третьего этажа на второй, и в противоположное крыло замка!

Как в фильме «Чародеи» – они с мамой смотрели его каждый Новый год, даже если встречали его не в Москве.

– Мсье Жан, что случилось? – раздался взволнованный голос Рашель, домашнего доктора.

Она уже ждала в комнате, у свежей постели, и шагнула отцу навстречу, словно это нормально – выходить из стены, а не из двери.

И словно это нормально – ходить на хвосте. Рыбьем. И заплетать водоросли в косы.

Виола мысленно вздохнула, смирившись с очень, очень странными видениями. Просто это бред. От удара по голове бывает. Вот и Рауль просунул в дверь мохнатую морду, прижимает уши, словно он и не волк, а обычная дворняга. И на чистом французском виновато басит: «Не уследили, виноваты, примем любое наказание, мессир».

Кино! Вот и Франсуа в своем неизменном красном колпачке как-то подозрительно похож на домашнего эльфа Добби, так же горестно хлюпает носом, разве что головой об стенку не стучится. Только Дамблдора с совой не хватает[5].

[5] Мсье Ученый Моль весьма расстраивался, когда мадемуазель Виола вместо древних, крайне редких и невероятно цен-

А потом куда-то исчезла легкость, стало темно, и голова, кажется, раскололась на много-много кусочков, и каждый кусочек болел отдельно.

И совсем рядом кто-то звенел чем-то стеклянным и противно пахнущим. Доктор Рашель, наверное?

– У мадемуазель шок, мессир. Сотрясение легкое, рана неглубокая, но вот психическая травма…

– Мою дочь психическими травмами не взять. Не волнуйся, Рашель. Иди пока, успокой всех, скажи, что с девочкой все будет в порядке.

Послышались тихие легкие шаги, потом дверь закрылась. А на кровать к Виоле сели, погладили ее по руке. Вздохнули.

Очень хотелось сказать папе, что все уже хорошо, она жива и больше не будет связываться с маньяками и проклятыми экспонатами, но язык не слушался.

Ну и ладно, потом можно сказать, а пока – спать. Ночью надо спать. И проснуться в своей постели, забыв страшный сон про сеньора Канову как страшный сон…

Совсем уснуть Виоле помешал звук набираемого на мобильнике номера, а потом незнакомый женский голос из папиной трубки:

– Мсье Жан?

– Да, мадемуазель Феличе, это я, – тихо ответил отец.

– Неужели вы решились пригласить меня на ваш маленький праздник? – на том конце линии насмешливо хмыкнули.

– Праздник не состоится, так что я даже не прошу прощения за недостаток галантности.

– Ах уж эти французы… Переходите к делу, мсье Жан. Ни за что не поверю, что вы звоните мне через столько лет исключительно ради удовольствия слышать мой прекрасный голос.

– Вы, как всегда, образчик проницательности, мадемуазель Феличе. У меня к вам просьба. Очень серьезная просьба, и мне нужно обещание, что о ней никто не узнает.

На том конце линии помолчали несколько мгновений и совсем другим тоном ответили:

– Обещаю. И сделаю все, что в моих силах, мсье Жан.

Что дальше сказал отец, Виола уже не слышала – она все же уснула, и ей снился день рождения и самый лучший на свете подарок: гитара работы старого итальянского мастера.

ных с исторической точки зрения книг из замковой библиотеки читала Джоан Роулинг, а потом крала из музея старинный маршальский жезл и размахивала им перед носом мсье Ученого Моля, выкрикивая: «Авада Кедавра!» К сожалению, ему не удалось привить мадемуазель более серьезного отношения к магическим заклинаниям и артефактам. – *Прим. авт.*

Глава 1,
в которой дракон заходит на посадку перед школой, а мафия распределяет роли

Война началась ровно в девять утра первого сентября. Именно тогда десятому «А» и лично его величеству Дону объявили, что с первого курса высшей ступени их – элитный, гуманитарный класс! – объединяют с классом «Б». Спортивным. Пролетарским.

Не то чтобы Дон имел что-то против пролетариев – под его чутким руководством и пролетарий мог бы произойти в человека, но ведь это был класс поцанов![6]

Видимо, что-то такое особенное отразилось на его лице, потому что классная нахмурилась и окликнула:

– Господин Горский! – И ткнула указкой в сторону вождя пролетариата, Миши Поца. – Извольте поздороваться с однокурсниками!

Демонстративно посмотревшись в собственные зеркально-лаковые ботинки и понюхав розовый бутон в петлице, Дон со светской улыбочкой протянул руку Поцу. И тут же смерил его взглядом: начал с голубого берета на шатенистой, причесанной на прямой пробор башке, и закончил плохо почищенными армейскими берцами.

– Рад вас приветствовать в моем классе, господин Поц… э… Шпильман.

Поц гнусно ухмыльнулся и, бормоча что-то типа вежливое насчет «поглядим еще, чей класс», протянул граблю в ответ и сжал. Со всей дури. Грабля была мытая по случаю первого сентября, но с траурными каемками под ногтями и набитыми костяшками. Развлекался все лето, пролетарий.

Дон ухмыляться, тем более гнусно, не стал, невместно нашему величеству. И поцову граблю сжал несильно, но правильно – как Сенсей учил. Что, Поц, все еще думаешь, что художник – это сопля, которую можно и нужно намотать на гусеницы? Ну-ну.

Поц слегка сбледнул, что несомненно его украсило.

Дон улыбнулся:

– Надеюсь, мы будем жить дружно в моем классе.

Поц смолчал, только прищурился.

Дон сжал руку чуть сильнее и улыбнулся еще приветливее. Мол, так будем жить дружно?

Поц наконец кивнул и выдавил из себя кривую улыбочку. Обещающую такую. Танки и ковровые бомбардировки обещающую.

Что ж. Когда на летних экзаменах при переходе из средней школы в высшую, она же колледж[7], вылетела половина народу, уже было понятно: что-то неладно в Датском королевстве[8]. В прошлые годы вылетало по двое-трое, не больше. Правда, Дон надеялся, что в их класс все

---

[6] Дон в курсе, что «пацаны» пишутся через «а», и прекрасно осознает разницу между «пацанами» вообще и «поцанами» в частности. – *Прим. авт.*

[7] ВШ № 13 – спецшкола полного цикла, примерно как капелла имени Свешникова. Здесь вместо 10–11-х классов – профессиональное училище с четырехлетним сроком обучения. Между средней школой и училищем есть вступительные экзамены. Теоретически сдать вступительные в 10-й класс ВШ № 13 можно после любой другой средней школы, но на практике этого пока еще никому не удалось; возможно, потому, что о ВШ № 13 мало кому известно. Недаром в РОНО нет желающих курировать Школу. Бумажную документацию по ВШ № 13 регулярно едят мыши, заливает прорвавшаяся канализация, или она просто исчезает безо всяких разумных причин. А сисадмины РОНО впадают в амок и наотрез отказываются вносить в базы любые упоминания о Школе, так как стоит магическому слову «ВШ № 13» попасть в программу – и гарантировано явление Троянского коня, всплытие Ктулху из глубин Интернета и атака гремлинов. Все это сопровождается падением Сети и прочими IT-катаклизмами. – *Прим. авт.*

[8] Нет, Дон не мнит себя Гамлетом, да и принц-нытик – это как-то несерьезно. Его идеал – Людовик XIV, «король-солнце», разве что Дон твердо уверен, что он куда более прогрессивен, образован и мудр. Шекспира Дон, кстати, весьма уважает. – *Прим. авт.*

равно никого добирать не будут. В конце концов, традиции важнее, чем какие-то там квоты и распоряжения РОНО. Однако…

Однако нежданчик случился, и придется как-то уживаться с Поцем.

– Рассаживайтесь, господа студенты, – велела Филька и тут же начала радостно щебетать о мире, дружбе, подготовке к посвящению в студенты, индивидуальных занятиях и прочей ерундистике, но не забывая внимательно оглядывать класс.

Дон сел на привычную четвертую парту в левом ряду, у окна. Один, как подобает «королю-солнцу». Перед ним – Ромка, опора трона и гарант мирного урегулирования, и Кир – канцлер, казначей, стратег и вообще Арман дю Плесси, герцог Ришелье.

До конца девятого класса в ядре безобразия их было трое, и никогда мало не казалось. До сегодняшнего дня.

У Поца, севшего на последнюю парту в правом ряду, было четверо в основной свите. С ним – пятеро. Сплошные здоровенные лбы, не обезображенные интеллектом. Да и зачем им, в физкультурном-то классе? Они после училища всем гуртом служить пойдут. В доблестную Российскую. В спецназ. Вон уже и тельники напялили. Особенно хорош тельник на Эрике – истинном арийце, красавце нордическом, белобрысом, безмозглом. Зато какая улыбка! Все крокодилы помрут от зависти! Поц рядом с ним – чистый Адольф Шикльгрубер[9], только усиков не хватает. Зато берет надел. Десантный. Брательников. Еще есть Витька, грубый и в глубине души прекрасный. Наверное. Был бы, окажись в другом классе. Остальные двое – тоже те еще личности, братцы-акробатцы Димон и Колян. Потомственные сантехники. Еще дед Димона-Коляна деду Дона канализацию прочищал и водки за услуги требовал.

А нам придется брать четвертого в ядро. Иначе – вопиющий дисбаланс. Но кого?

Дон оглядел класс.

Народу-то много, целых двадцать пять человек вместо привычных двадцати одного, но из них тринадцать – бывшие бешки, пролетарии. Из ашек остались лишь Марат, тип мутноватый, да Сашка – рыба-сдохухоль. Проблема с кадрами у нас, дорогие доны!

Марат поймал его взгляд, просиял и всем видом показал, что готов вот прямо сейчас сесть с Доном за одну парту и вообще он – самый-самый, ага. Верный-надежный. Может даже хвостом вилять.

Нет уж, лучше втроем, чем с хвостом.

Дон нахмурился, отвернулся от Марата и принялся разглядывать лепнину на потолке и портрет Ахматовой над Филькиной головой.

Болтология только началась, время требовалось чем-то занять, а традиции – уважить, так что Дон взялся за карандаш: рисовать Фильку, то есть Фелициату Казимировну, самую классную из всех классных. Она со средней школы вела у класса «А» литературу с русским, а заодно – половину спецпредметов.

Каждый учебный год начинался с того, что в конце первого урока Дон преподносил Фильке ее портрет. Сегодня она была Фемидой: с завязанными глазами и безменом в руке. Фемида из нее получилась что надо. Молодая, всего-то лет двадцати пяти на вид, и красивая. Если б Филька не придерживалась строгого правила «с учениками ни-ни» и не водила хороводы с Сенсеем, Дон бы с ней закрутил, и плевать, сколько там ей на самом деле.

Именно это он в портрет и вложил. Женщины любят быть желанными, что бы по этому поводу ни говорили.

А Филька продолжала о сложной обстановке в Питере; о скором визите упырей-проверяющих из РОНО[10]; о необходимости взаимопонимания между бывшими ашками и бешками

---

[9] Больше известен как Адольф Гитлер.

[10] Сотрудники РОНО официально (с пеной у рта!) отрицают свою принадлежность к данному виду нежити. Однако Дон считает, что раз Эльвира Мстиславовна сказала «упырь» – значит, упырь и есть. Кстати, это редкий случай, когда Фелициата Казимировна с ней полностью согласна. А это, согласитесь, что-то да значит. – *Прим. авт.*

– они теперь студенты первого курса и должны понимать, что все серьезно! Что нигде, кроме ВШ, то есть Высшей школы номер тринадцать, они не получат такого среднего специального, что на порядок лучше гарвардского высшего, и что после школы им даже экзамены в универ сдавать не придется – сразу на третий курс и бамбук курить…

Кусок про образование Дон пропустил мимо ушей. Он все это слышал раз сто и отлично знал, что вылетевших из школы взяли в колледжи, причем на второй курс и тоже без экзаменов.

От «мотивации на учебу» Филька перешла к волейбольному соревнованию с москвичами, театральному фестивалю и драмкружку – звала бешек присоединяться и участвовать в полноценной, интересной и полезной общественной жизни.

Скукота.

Скукота закончилась минут через десять. Сначала под окнами раздался рык дракона, заходящего на посадку. По одному только звуку Дон точно определил новую зверюгу и даже выглянул в окно: кого это занесло к школе? Никак новый препод выеживается? Или кто-то с четвертого курса опаздывает? Четверокурсники – почти дембели, им расписание не писано, а выпендриваться сам бог велел.

Дракон припарковался аккурат между метлой Алинки с третьего биологического[11] и хряком Натали, тоже с биологического, но уже аспирантки-преподши[12]. Тоже еще, поклонница Булгакова, нарисовала на кожухе байка пятак и воображает себя ведьмой летучей! Алинка и то больше похожа, даром что на ее скутере вообще ничего не нарисовано. Она сама по себе ведьма, и скутер у нее – натуральная метла хоть в профиль, хоть анфас.

Дон хмыкнул – тихонько, он же вежливый студент! – и вернулся к разглядыванию дракона и его владельца. Дракон был хорош. «Харлей» этого года, на пять сотен лошадок. Умереть от зависти! А его владелец оказался никаким не преподом, даже не старшекурсником. Лет пятнадцать-шестнадцать, девятый класс. Волосы темные, в хвост, черная мотоциклетная куртка, черный же шлем в руках. Лица с третьего этажа было не разглядеть, но Дон все равно записал новенького во фраера и мажоры. Ибо если опаздываешь – ты не король, какой бы там байк под тобой ни рычал.

Записал, отметил себе глянуть на перемене, что за новичок и куда его определили, к альфам, бетам или ведьмам, – и забыл. Рисовать Фильку все равно было интереснее.

Зря забыл, как оказалось. Потому что через минуту дверь в класс открылась, и на пороге возник он же, фраер и мажор.

Надо же, он старше, чем показался на первый взгляд, подумалось Дону.

А мажор извинился перед Филькой, заработал укоризненный взгляд, оглядел класс…

На мрачной, в самый раз господарю Владу свет Цепешу[13], физиономии отразилось сначала неподдельное изумление, потом откровенный ужас пополам с брезгливостью, – это господарь-воевода увидали Мишу и поцанят, – а затем морда снова стала каменной. То есть для всех прочих она как была, так и осталась каменной, но не для художника.

Дон даже посочувствовал мажору. Еще бы. Приходишь ты на первый курс колледжа – элитного, для гениев, покруче Строгановки и Мухи[14], вместе взятых, да что там, даже в

---

[11] В школе № 13 традиционно три потока: «А» – искусствоведения и культурологии, поток курирует Фелициата Казимировна Либерта; «Б» – спортивные классы, обозначение среди преподавателей – «Боевики», среди потоков «А» и «В» – «быдло», поток курирует Михаил Маркович Твердохлебов; «В» – биоэкологический поток, общепринятое название «Ведьмы», куратор – Эльвира Мстиславовна Вольская. – *Прим. авт.*

[12] Как-то раз Дон задумался, откуда в колледже аспиранты, и даже задал вопрос Фелициате Казимировне. На что получил туманный ответ о договоре с университетом (не уточнялось, каким именно) и особенностях изучения редких дисциплин (каких именно, тоже не уточнялось). Из всего этого тумана Дон вынес головокружение, желание съесть шоколадку и уверенность в том, что если нельзя, но очень хочется, – то можно. – *Прим. авт.*

[13] Больше известен как граф Дракула.

[14] Строгановка – Московская государственная художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова (МГХПА имени Строганова); Муха – Санкт-Петербургскаягосударственная художественно-промышленная академия имени

Сорбонне такому не учат! – и видишь линию фронта ровно посреди класса. Справа – голодранцы-пролетарии, то есть бешки. Одеты кто во что горазд, но с преобладанием тельников и камуфла у парней и мини-юбчонок у девчонок. На камчатке – царь мусорной горы, усиков только не хватает, в окружении бойцов кирпичноликих.

Слева – семья Альфа, все пятеро парней как один в строгих черных костюмах, при галстуках и в начищенных туфлях, семь девчонок – в длинных платьях, с умеренным макияжем и при прическах. На тронном месте, как положено, дон коза ностры: костюмчик от Хьюго Босса, очки-хамелеоны, розовый бутон в петлице, перстень-печатка и характерный сицилийский нос для полноты образа.

А посередине – демаркационная линия.

И юно-прекрасная училка, которая холодной войны не видит из принципа. Вроде как: разбирайтесь самостоятельно, дети, а меня позовете, когда трупы закопаете. Все сами, не зря же я вас учила?

Прежде чем улыбнуться новенькому, Дон дал ему ровно три секунды: одна – на осмотр достопримечательностей, вторая – на правильный выбор стороны, третья – на осознание отсутствия выбора как такового. На четвертой Дон снял с соседнего стула кожаный рюкзак и улыбнулся. Искренне, кстати. И не скрывая восхищения образом.

Борджиа!

Морда мрачная, рубаха белая с широкими рукавами и в кружевах, – вполне себе мужская и аутентичная, кстати, такая стоит баксов триста, – джинсы черные и узкие, пояс – бычьей кожи, сантиметров восемь, с тиснением и клепками. Красава, чистый Чезаре Борджиа! Или Цезарио. А что, вполне себе шекспировский вариант. Морда, при всей мрачности, красивая, черты тонкие, и выпендривается на славу.

Один вопрос: эта красава чисто декоративная чихуахуа или драться умеет? Судя по мышцам и пластике, должен бы. Но черт же их знает, этих выпендрежников.

Справа гоготнули. Судя по гнусности – не иначе, высказался лично Поц. Новенький на гогот повел бровью, этак лениво, мол, что там за левретка тявкает? Все это – строго не поворачивая головы, а глядя в упор на Дона. И ему улыбнулся, так же явно искренне, хоть и мрачновато.

– Присаживайтесь, господин, э…

– Море́на[15], – подсказал новенький.

– Морена, – закончил Дон. Подождал, пока красава сядет и уберет под стол свой рюкзак, протянул руку: – Даниил Горский. Можно просто Дон.

Парень ответил на пожатие. Крепкая оказалась ладонь, холодная.

– Леон.

Задрав бровь, Дон оглядел его еще раз и спросил:

– А очки где?

– Есть же границы выпендру, – фыркнул новичок.

– Нет, – уверенно сказал Дон и так же уверенно добавил: – Будешь Цезарио. Фехтовать умеешь?

Леон мотнул головой, явно имея в виду как Цезарио, так и фехтование.

– Ничего, научишься, Цезарио. Еще только Оливию тебе найдем…

Дон бросил взгляд на первую парту, где сидела Маринка. Она сегодня надела платье всех оттенков синего и убрала каштановые кудри в двойную косу.

А. Л. Штиглица (СПГХПА имени А. Л. Штиглица). С 1953 по 1994 год институт назывался Ленинградским высшим художественно-промышленным училищем имени В. И. Мухиной.

[15] Фамилия «Морена» произносится по испанской традиции с ударением на «е» и склоняется в мужском роде, так как род Жана Морены ведет свое происхождение из Испании, а к традициям в роду относятся с большим уважением. – *Прим. авт.*

Вот где настоящая Оливия! Ее надо было на роль брать, но Фильку, если уперлась, целое стадо баранов не переупрямит.

– Я не актер, – буркнул новенький недовольно.

– Это пройдет. Слушай, Леон, нам нужен Цезарио. Не Поца же брать. Ты себе представляешь Поца в «Двенадцатой ночи»?

Дон кинул брезгливый взгляд в правую сторону класса.

– Представляю, – уверенно заявил тот и ухмыльнулся. – А что? Вполне себе ремейк. Место действия – колхоз имени Ильича.

– «Не ходи на площадь Ильича», – тихо напел Дон.

Намекнуть, что постановка Шекспира в традициях самого Шекспира куда круче колхозного ремейка, и продолжить проверку новенького на профпригодность помешал стук указки. Филька умела стучать так, что зубы сводило. Этого стука даже директриса не переносила. Пришлось снова принять вид внимательного слушателя и продолжить рисовать – все, что Филька могла сказать, он и так знал.

А она как раз объясняла бешкам, что им не обязательно посещать все спецкурсы факультета культурологии: экономику, иностранную литературу и все прочее интересное. Даже на историю Петербурга и НЛП могут не ходить. Собственно, тут до Дона и дошло, с чего вдруг на их курсе смешали несмешиваемое. Все же просто: бешками пожертвовали в пользу Альфы. Добрать гуманитарный курс после девятого класса новичками невозможно – в Школе или учишься с самого начала, или не учишься вообще… Ну да, исключения бывают, вот одно, рядом сидит. Хотя наверняка из такой же спецшколы полного цикла, только московской или казанской, а то и пражской, с такой-то фамилией.

Бешкам поставили в обязаловку только естественные науки по паре часов в неделю, физподготовку во всех ее проявлениях, ОБЖ, минимум психологии, кое-что из обществознания – и катитесь колбаской в свою доблестную Российскую. Так проще, чем объяснять упырям из РОНО, почему нельзя просто добрать обе группы левым народом.

Вот только госпожа директриса не учла разлагающего влияния всяких Поцев, которым делать будет не хрен, кроме как наводить свои порядки. Ладно. В конце концов, кто такой этот Поц? Прыщ на ровном месте. А Дон сделает из бешек нормальных людей, им же на пользу пойдет.

Размышления не мешали ему рисовать. Сначала Фильку, а потом – Леона.

Искоса глянув на него минуты через три, Дон обнаружил замечательный факт: этот павлин-мавлин дрыхнет. С каменно-внимательной мордой, с открытыми глазами, но дрыхнет. Придурок? Прийти на новое место и проспать все на свете. Не для него Филька тут распинается о посвящении в студенты, что ли? Все прочие-то в курсе, что за веселуха их ждет на Самайн[16].

Цезарио, натуральный Цезарио. Такой же павлин.

Вот в виде павлина на жердочке Дон его и нарисовал. Лицо в профиль, чуть утрировав черты и придав им птичье выражение, и небрежными штрихами сонно распущенный хвост и крылья. Получилось похоже. Правда, он даже на шарже вышел до бесстыдства красивым. Интересно будет его потом еще нарисовать, лицо выразительное, и образ… Нет, образы – если присмотреться, интересный парнишка, многослойный. Хоть и дрыхнет, сурок сурком, даже себя в виде павлина проспал.

Но снова рисовать Леона – потом.

А прямо сейчас внимания требовал Поц. Судя по довольным мордам свиты, он уже запланировал пакость. И если эту пакость не пресечь в зародыше, не видать спокойного учебного года.

[16] Ночь с 31 октября на 1 ноября, канун Дня Всех Святых, он же Хеллоуин.

Пришлось перед переменой посылать ему записку с приглашением на сеновал. То есть на стадион, после третьей пары, на чисто спортивные состязания. Призовая игра – победитель получает все.

Поц прочитал, ухмыльнулся и показал, как откручивает кому-то голову, а потом топчет берцами.

Дон на это даже бровь не поднял: пошло, скучно. Сплясал бы Поц цыганочку, и то было бы веселее.

Зато в классе снова началось шушуканье. Господа, похоже, делали ставки, а принимал их Марат. Ну что ж, оно и к лучшему – не стоит брать Марата в ядро. Лучше втроем, но чтобы все – как один, и без вопросов. Подумаешь, на Дона придется двое и на Ромку двое. Справимся.

Потом. После занятий.

А на перемене была романтичная встреча герцога с несостоявшейся Оливией. Ну да, Дон – герцог Орсино, чего такого? Не Цезарио же ему играть, с его-то сицилийским носом.

Маринка, едва прозвенел звонок с первой пары, повесилась ему на шею и задрыгала ногами. Дон подхватил ее на руки, покружил, она радостно повизжала и спросила, пойдут ли они сегодня танцевать самбу и любоваться ее привезенным из Анталии загаром?

– Самбу – завтра, моя прелесть. Сегодня у нас Олимпиада.

Маринка презрительно поглядела на выходящего из аудитории Поца, фыркнула и поцеловала Дона. Взасос и напоказ, мол, нишкните все, я тут королева.

Собственно, именно поцелуями они и занимались всю оставшуюся перемену, за исключением последней минуты. Ее как раз хватило, чтобы прилепить жвачкой на доску альбомный лист с павлином-мавлином. Без подписи – кто не проспал, тот в авторстве не ошибется.

Глава 2,
в которой рассматриваются аспекты дипломатической и подрывной деятельности

За входящим в класс новичком наблюдали все, и ашки, и бешки. Что ж, первый шаг к объединению нации – дружим против новенького. Теперь вопрос, как он себя поведет?

Сказать по чести, симпатии Дона были всецело на стороне павлина. Хорошая птица, правильная. Хвост опять-таки красивый. Не камуфло. Лишь бы сориентировался в обстановке.

Повел он себя правильно, Дон даже не ожидал, что настолько. Для начала сразу уловил и настроение группы, и предмет их интереса. Глянул на доску, подошел ближе, несколько секунд рассматривал. Дон все это время сидел на Маришиной первой парте, играя карандашом. А Леон у него карандаш попросил. Вежливо и спокойно. С улыбкой спросил, можно ли дополнить рисунок на свой вкус?

Само собой, Дон кивнул. Гогот справа сзади он проигнорировал, как и комментарии похабно-тупого свойства.

А Леон в несколько штрихов подредактировал павлина и нарисовал вторую птицу. Довольно схематично, но явно небездарно. Получились Сирин и Алконост – ночь и солнце, убедительный и красивый контраст. Алконост с его собственным лицом Дона особенно порадовал. Похоже вышло.

– Неплохо рисуешь. Учился в художке или самородок?

– Самовыродок, – ухмыльнулся новичок. Приложил руку к груди и раскланялся.

Большая часть класса заржала вполне себе одобрительно, один Поц отпустил что-то похабное насчет новой подстилки дона Хачика. Впрочем, и это тоже Дон пропустил мимо ушей. Собака лает, караван идет.

– Мистер Совершенство, – в тон Леону хмыкнул Дон. – Случаем, не мейд ин Чина?

– Мейд ин Раша. Гарантия два года, – голосом киборга сказал Леон. – В случае механических повреждений обратитесь в сервисную службу.

И заржал. Дон тоже. Обнял новичка за плечи и повел к своей парте, на уже законное место.

Второй парой была анатомия. Хороший урок, полезный. Правда, все, что сейчас толкала Натали – владелица байка с пятачком, – Дон выучил еще лет пару назад. Он же художник, а не маляр!

Сосед тоже был если не художник, так пофигист – не выказывал особого интереса ни к анатомии в целом, ни к анатомии Натали в частности.

Вот и отлично. Раз Дон берет павлина в ядро безобразия, надо хоть узнать, чем тот дышит. Стоило бы, конечно, посоветоваться хотя бы с Арманом дю Плесси, но Дон привык доверять себе. Иначе грош ему цена как дону. Типа – профнепригодность.

– Ты откуда, Морена? – спросил для затравки.

– Из Москвы, – откликнулся тот шепотом.

– А почему фамилие испанское?

– По отцу. Он вообще-то француз, но испанского происхождения.

– И по-французски говоришь?

– Конечно.

– Люблю французский. Жаль, у нас он только факультативно, хрен все успеешь… – Было крайне интересно, как Леон попал в спецшколу, куда с улицы не берут, но это потом, успеется. Сначала самое важное. – А что кроме французского и пристойного рисования у тебя в активе?

Леон пожал плечами.

– Гитара.

Неправильный ответ, подумал Дон. Декоративная чихуахуа в семье тоже нужна, но не сегодня. Попробуем еще раз.

– Драться умеешь? – недвусмысленно кивнул на поцанят.

– Умею. – Новичок хищно усмехнулся, став похожим на настоящего Хуана Морену[17]. – Совсем другое дело же! – Когда?

– Сегодня, после занятий, на стадионе. Олимпиада у нас. – Прищурился, глянул Леону в глаза. – Без выпендра. Поцанята дерутся всерьез и нечестно, так что если тебе дороги руки, бей сразу наповал или стой в стороне. Выбирать сейчас.

– После занятий, на стадионе, – кивнул новичок.

Дон под столом пожал ему руку и вернулся все же к анатомии. И так Натали уже раз на них покосилась. На второй можно и прыщами покрыться, были уже прецеденты.

Кира и Ромку он обрадовал на перемене. У нас, сказал, пополнение. Берем павлина на Олимпиаду, выстоит – честь ему и хвала.

– Почему не Марата? – спросил Ромка, почесывая прилизанные гелем русые кудри.

Выглядел он в костюме, надо сказать, презабавно. С его-то сложением кузнеца и благородным рязанским профилем! Зато – ногти чистые и отполированные, выбрит под шелк, туфли сияют, рубашка и после сдвоенного урока – как снег. Очки даже темные надел. Мафия как она есть!

– Потому что место букмекера не на арене, – пожал плечами мудрый герцог Ришелье.

В отличие от Ромки – и от того самого Ришелье – Кир был мелким, жилистым и невзрачным. На нем и пиджак сидел как гимнастерка, и лаковые туфли походили на сапоги. Зато Сенсей обещал ему через год место ассистента, как лучшему ученику, а в Плешку[18] он уже набрал высший балл, даром что окончил только девять классов. Мог бы получить бумажку за одиннадцатый, благо всю школьную программу они уже прошли, и уже учиться в вузе, но не стал. Сказал, Плешка не убежит, а вот такой литературы, как дает Филька, там точно нет. Такая литература не всем филологам достается. И остался в альма-матер бамбук курить и тренировать на Поце навыки дипломатии.

До конца занятий обошлось почти без инцидентов. Почти – потому что перед физрой Ариец ущипнул за задницу Лизку, схлопотал по физии, обозвал ее сучкой, схлопотал по физии еще раз, замахнулся…

Его руку перехватил Ромка, а Дон скомандовал:

– Брэк! Лиза, душа моя, не убивай этого придурка, он еще маленький. Сам не понимает, что творит.

Лизка буркнула что-то насчет галантного Тангейзера и вообще Вертера[19], которого топить – только водоемы отравлять; вильнула роскошной задницей и ушла к Маринке шушукаться о парнях.

Ариец честно не понял, о чем это она, но искренне восхитился. Он и ущипнул-то ее наверняка от восторга, только вот беда, Лизка уже давно выросла, а Ариец так во втором классе и застрял, бедолага.

Как следует посочувствовать Арийцу не дал физрук, он же Твердохлебов Михаил Маркович. Ровно со звонком на пятый урок – к парам, курсам и прочим атрибутам училища Дон пока не привык – нарисовался посреди стадиона, гаркнул хриплым басом:

– Становись! Смир-рна!

---

[17] Хуан Морена – настоящее имя актера Жана Рено, исполнителя роли киллера Леона в одноименном фильме.

[18] Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова.

[19] Лиза имеет в виду персонажей оперы Вагнера «Тангейзер» и романа Гете «Страдания юного Вертера». Проблема в том, что из всех Вертеров Арийцу известен только робот из фильма «Гостья из будущего». Ариец согласен, что топить роботов бесполезно, но Вертер в фильме весьма симпатичен, и это внушает ему оптимизм.

Выстроились. Альфа слева, Бета – справа. Не смешивая рядов. Бешки позадирали носы и глядели на семью Альфа свысока. Как будто рост и ширина плеч – самое важное в этой жизни.

Как же. Размечтались об забор. Кто из этих дылд стоеросовых сумеет уложить на травку товарища Твердохлебова? Правильно, никто. И плевать, что сей лысый кряжистый пень на полголовы ниже Поца.

Пень оглядел оба класса, не вынимая изо рта своей неизменной зубочистки, хмыкнул в усы и скомандовал пробежку. Кружок, для разминки.

Интересно, явится ли Твердохлебов на Олимпийские игры после уроков? И что будет делать с демаркационной линией прямо сейчас?

Демаркационную линию товарищ Твердохлебов проигнорировал. Раздал всему классу дрыны и обрадовал, что этот учебный год они начинают с освоения древней славянской гимнастики. И что к концу октября они все должны владеть этим дрыном лучше, чем собственными руками.

– Шаолинь, елы, – буркнул павлин-мавлин, разглядывая двухметровую осиновую дуру.

Во взгляде его так явственно читалось все, что он думает об этом дурдоме, что Дон едва не заржал в голос. О, сколько вам открытий чудных!..

Однако упражнения павлин делал на совесть и вообще выглядел достойно даже на фоне бешек, которые выпендривались со страшной силой – удаль молодецкая так и перла. Так перла, что аж дрыны трещали, а у Коляна – треснул.

Разумеется, Твердохлебов отобрал у него треснувший дрын, высказал все, что думает о безмозглых идиотах, и толкнул речь о духовной ценности осины, необходимости слияния с ней в бою и особенностях осинового мышления. В смысле, думай, как осина, будь осиной, и враг твой повергнется в труху и перегной…

Павлин французский слушал и офигевал.

Ну, пока сил хватало офигевать. Физрук со своими дрынами загонял всех до полного одеревенения, а кое-кто из девчонок так и вовсе сел на травку и так и сидел. Дышал. Даже в Поце поубавилось воинственности. Однако отменять Олимпиаду было никак нельзя. Дашь слабину сейчас – потом черта с два вообще получится поставить поцанву на место.

Поц тоже идти на мировую не собирался. И зрители жаждали зрелищ: и ашки, и бешки к концу перемены вроде как невзначай пригуляли в парк за стадионом. Территория у школы была гектаров в пять, ровно как в день открытия при Петре Первом. Ни одному чиновнику не удалось подвинуть изящный кованый забор хоть на метр. И сама школа не изменилась: бело-голубой трехэтажный особняк с колоннами и часами на фронтоне. В советское время к трем этажам добавилось четыре подземных, но снаружи-то незаметно.

И полянка за стадионом из окон школы не видна, спасибо древним дубам.

Подумав о дубах, Дон нашел взглядом Арийца и хмыкнул.

Дубинушка стоеросовая во все глаза глядел на Лизку, а Лизка – на него. Правда, выражение было разное. Лизка явно прикидывала, как красиво будет смотреться белобрысый скальп на двери ее вигвама, а Ариец все больше пялился на ее нижние девяносто, выпячивал грудь, играл бицепсами, трицепсами и прочими достоинствами, коими природа попыталась компенсировать отсутствие мозга.

Остальные поцанята собрались в кружок вокруг атамана и что-то жарко обсуждали, сжимая кулаки и зыркая на бомонд и променад: класс Альфа вел себя как подобает интеллигенции и за своего дона волновался сдержанно, без эксцессов. В отличие от бешек, которые по большей части просто маялись, не зная, куда приткнуться и за каким лешим они приперлись. Не за Поца же болеть, в самом-то деле! Его родной класс чуть не поголовно ненавидит, а он и не понимает. Думает, раз молчат и пресмыкаются, значит – уважают и любят. Как же. Щас.

На полянку за стадионом Дон с семьей вышел ровно со звонком на седьмой урок. Как подобает, чинно и с улыбками. Поц с поцанятами тоже вышел. Поглядел на ритуальный Донов поклон, чуть у виска не покрутил. Ухмыльнулся. Похрустел суставами.

– Ну чо, чувак, по-нашему, на кулачки? – залихватски заломил берет и победительно оглядел класс, потом перевел взгляд на Леона, стоящего за левым плечом Дона, и расплылся в масляной улыбочке. – Девочку только убери, я девочек не бью.

– Предпочитаешь, чтобы девочки били тебя? – тоном профессора-сексопатолога осведомился Дон. – Учтем.

– Это девиация такая, называется мазохизм, – поставил диагноз Леон.

– И вас тоже вылечим, – поддержал Ришелье, не давая Поцу вклиниться.

Вклиниться Поц особо и не пытался – не его это, мозгой шевелить, – только пыхтел, багровел и играл желваками. Ужасно мужественно, хоть Брюсу Уиллису уроки давай.

Девчонки-ашки тихо хихикали, бешки растерянно молчали – пока еще боялись Поца, хоть его авторитет и стремительно падал за плинтус.

– Колюще-режущие сдаем в гардероб, господа, – велел Дон, вынимая из внутреннего кармана пистолет-зажигалку и роняя в подставленные Маратом ладони. – Прочие посторонние предметы аналогично. Никто ж не хочет неприятностей?

Поц и поцанята буркнули что-то согласное, явно с облегчением – их перестали бить морально, а физически они уж как-нибудь этих гребаных очкариков заломают. Повынимали из карманов и из-за голенищ берцев целый арсенал, свалили в руки Коляну, видно, никому из «своих» оружие не доверяли.

Вот под это согласное бурчание Дон и убрал с арены лишнего бойца. Этак небрежно снимая пиджак, кивнул Коляну: постой в сторонке, все равно руки заняты. А Поца спросил:

– Мы с тобой, так справедливо. Кто выходит против Романа?

Вызвался Димон. Ростом он Ромке почти не уступал, такой же медведь – и хитрый, как медведь.

И тут же, не дожидаясь вопроса, вышел Витек и поклонился Ришелье. Неожиданно, подумал Дон. Этот хоть из фильмов что-то почерпнул о вежливости, и то хлеб. Но вылез не в тему.

А вот павлину достался Ариец. Дон еле сдержался, чтобы не отправить павлина немедленно домой – это ж самоубийство, выходить против Арийца. Тварь-то безмозглая, зато чугуний между ушами крепкий. Ядреный чугуний. Такого только ломом можно, даже твердохлебовский дрын обломается. Дон надеялся, что в паре с Арийцем окажется Ришелье, этот даром что на вид мозгляк, у него не чугуний, а чистая оружейная сталь.

Подумал даже, не поменять ли пары волевым решением, обоснуй-то всегда найдется, но обернулся к павлину, увидел, как у него глаза загорелись, и промолчал. Судьбу надо уважать.

Павлин тем временем снял свою щегольскую рубашечку за триста баксов, скинул в руки Марату. Криво ухмыльнулся Арийцу, отсалютовал – двумя пальцами, как немецкому асу, – и вернулся на место, за левое плечо Дона.

Тем, что было под рубашкой, Дон почти залюбовался. Да что там почти! Вот закончится Олимпиада, надо будет посадить павлина на жердочку и нарисовать. Такая натура! И тату на бицепсе интересное, лазурно-золотой дракон. Хорош, хорош, павлин французский.

Сам тоже разделся до пояса, не дело это, рубашками разбрасываться. Это у Поца тельник – чем грязней и вонючей, тем аутентичней. А Дону есть что показать и без пиджака от Хьюго.

Где-то на галерке девочки оценили стриптиз, одобрительно зашушукались. Но вот сейчас Дону уже было не до публики. Реприза окончена, пора на арену. За себя он не особо волновался, Поц – не тот противник, перед дракой с которым надо писать завещание. Недооценивать нельзя, но и бояться не след. А вот за Ромку и павлина – боялся. Он же дон, он за них отвечает. Перед самим собой и перед всем классом. Ну и перед богом: коза ностра – народ благочестивый.

– Первый раунд, – отлично поставленным голосом рыночного торгаша объявил Марат. – В левом углу ринга Кирилл, в правом – Виктор.

Парни вышли на середину полянки. Секунды две смотрели друг на друга, потом синхронно друг другу поклонились. Ровно в этот момент до Дона дошло, что Ришелье уже победил. Потому что Витек нашел себе отличную возможность красиво выйти из банды Поца – не в семью, а в одиночки, но под патронажем Армана дю Плесси. Молодец, Витек, так держать!

Марат ударил в спертый кем-то из буфета алюминиевый тазик, что должно было обозначать гонг, и шоу началось.

Красивое шоу.

Ришелье решил развлечь публику, а Витек его поддержал. Отличный вышел балет, просто загляденье. Хоть сейчас обоих в Голливуд! А заодно никто так и не понял, настолько у бойцов разный уровень, что Ришелье мог сломать Витьку шею на первой же секунде, а не танцевать целых три минуты.

Второй гонг раздался, когда Ришелье аккуратно уложил Витька носом в траву, перед тем показав всем, что победа далась ему ну просто страх как тяжело. Девочки поверили. Мальчики, что странно, тоже. А главное, поверил Поц и даже вдохновился – вона, итить, какие у него богатыри! Не то что Альфа, у которых вместо кроссов – танцы, а вместо штанги – фехтование.

– Второй раунд! – снова гонг, снова Марат.

И улыбочка Поца, нехорошая такая. Зеркалом – улыбочка Димона. И Ромка как-то от этой улыбочки растерялся, пропустил первый удар. Дубинушка, не церемонься ты с ним, хотелось заорать Дону. Клади, ну!

Не положил сразу, а потом было поздно. Димон же медведь, а медведю правила не писаны. Нос береги, нос!..

Не уберег, свернул ему нос медведь. Повезло, что только нос и только свернул, этот бы и насмерть, если б свидетелей не было. Благородный ты мой синьор Ромка, кто ж дерется с быдлом честно?!

Хотя если говорить о честности… Показалось, или в самом деле в Димона ровно перед ударом прилетело шишкой? А под кленом мелькнул знакомый кряжистый силуэт. И получается, если б не шишка, Димон бы ударил сильнее и сломал Ромке нос.

Так был ли Твердохлебов?

Дон огляделся, но физрука не увидел. Впрочем, это ровным счетом ничего не значило.

Когда Ришелье с Сашкой утащили Ромку с поляны прикладывать холодное и отпаивать минералкой, к Дону подошел французский павлин. Бледный, собранный. Тихо сказал, глядя на радостно машущего рукой Лизке Арийца:

– Если что, оттащи меня. Проблемы самоконтроля.

– Ок. Удачи, Леон.

Павлин кивнул, вышел на середину поляны, остановился напротив Арийца – тот скалил свои сорок восемь белоснежных зубов и всем видом обещал Лизке притащить добычу к ее порогу. На павлина он и не смотрел, и так был уверен – против арийского лома нет приема.

Глядя на них рядом, Дон почти с ним соглашался. Павлин против Арийца – это выглядело как моська против слона. Арийца бы в НБА взяли, если б он не путал мяч с арбузом, а в павлине было всего-то метр семьдесят. Не вырос еще, акселерация мимо прошла.

Когда Ариец наконец изволил глянуть на соперника, девчонки испуганно ахнули. Потому что белоснежная улыбка превратилась в оскал, небесно-голубые глаза замерзли, а тельник вдруг стал дико похож на черную форму СС. Зато того, что было дальше, никто не ожидал. Даже Дон, хоть до последнего и надеялся, что не ошибся и не подставил новенького под фугас.

Первый таранный выпад Арийца прошел мимо. Павлин просто уклонился – как змея, незаметно глазу. А на втором, таком же прямолинейном и броненосном, шагнул вперед, хитро извернулся, как намасленный, и вдруг оказался верхом на лежащем Арийце: начищенный

ботинок почти наступает белобрысому на яйца, тонкие музыкальные пальцы держат руку – за большой палец, на излом, так, что только Ариец шевельнется, и сустав треснет, а связки порвутся.

И – замер так, не обращая внимания на слезы в глазах белобрысого и хриплые просьбы отпустить.

– Раунд! – с опозданием в секунду заорал Марат. Чуть позже, чем к бойцам бросились предводители.

Дон успел чуть раньше Поца, зыркнул на него бешено, предупреждая: вякнешь – убью на месте. И закрыл собой Леона.

– Отпусти его, – велел тихо и очень спокойно, заглянув в прозрачные глаза.

Там была Валгалла. Снежная, безумная, вечный пир и вечный бой.

На приказ Леон не отреагировал, только там, в Валгалле, ярче засверкали кубки и клинки и громче заиграл вагнеровский оркестр, а Дон порадовался, что не стал его трогать, – черт знает, как берсерк отреагирует.

– Леон. Отпусти. Он безопасен, – повторил Дон.

– А? – Валькирии сложили крылья, Вагнер затих, а Леон его наконец увидел и разжал пальцы.

Ариец выдохнул и со стоном уронил полувывихнутую руку на землю – на что Леон снова напрягся, а Поц рванулся к ним. По счастью, Димон с Витьком его крепко держали.

– Все уже, ты победил, драка окончена. – Дон положил Леону руку на плечо, осторожно погладил. – Слезай с него, Харальд Мохнатый[20]. Киллер.

Леон улыбнулся, теперь уже осмысленно. Скатился с побежденного врага, принял протянутую Маратом рубашку. А Дон поднял его руку, как на ринге, и крикнул:

– Киллер!

Офигелый класс нестройно поддержал. Поц скривился и сказал, как плюнул:

– Неплохая разминка. Пора поиграть всерьез, моя сладкая девочка. – И подмигнул Дону.

– Я помню, что ты любишь, – солнечно улыбнулся Дон. – Поверь, не разочаруешься.

Гонг.

Шум крови в ушах: сердце гонит адреналин. Обзор сужается до одного только Поца. Все прочее пока не имеет значения.

Медвежья, подлая Поцова ухмылка. Шаг вперед.

Две секунды боя – больше нельзя, медведь заломает.

Этих двух секунд Дон не осознавал, тело все сделало само. Как Сенсей учил: видеть цель, не думать о препятствиях, слушаться инстинктов. Победить.

Дон и не думал. Ни о чем. Даже видел и осознавал как-то обрывками.

Вот – Поц, у него вывихнуто плечо, ссадина во всю щеку, хриплое согласие, твой класс, пидор гребаный.

Вот – он сам, с победной улыбкой оглядывает класс: приветствуйте вашего «короля-солнце»!

Адреналин из ушей, руки не попадают в рукава рубашки.

И снова Поц, баюкает руку, которую уже вправил ему Ришелье… когда только успел?

Гул крови стихает, тело перестает быть невесомым, а реальность – дискретной.

Поц матерится сквозь зубы. Не успокоился. Злится и мечтает о реванше.

Зря не сломал быдлу руку его же, быдла, безопасности ради.

Не будет спокойного года. Ничего еще не закончилось. Но это – потом, завтра. А сейчас…

[20] Дон в курсе, что король Харальд звался Косматым. Это у него чувство юмора такое, постстрессовое.

– Что встали? – Дон обнимает за плечи Ришелье, мудрый кардинал не будет спрашивать, почему у его короля руки дрожат. – В классе пополнение, жара, мороженое растает! Кто со мной?

Все с «королем-солнцем», победителем чудовища, кроме самого Поца, братцев-сантехников и Арийца. Даже Витек, умница, подгреб к Ришелье, глядит в глаза и что-то такое умное спрашивает про приемы. Голливуд, елки. И павлин, то есть теперь – Киллер, отстал, идет к Димону…

Хруст, вопль, тихий ледяной голос Киллера. Что-то о нечестной игре.

Да что с вами делать, благородные сеньоры, мать же вашу! На секунду расслабиться нельзя!

Оторвавшись от надежного плеча Армана дю Плесси, Дон в три шага оказался рядом с Киллером, отпихнул от него Поца – в больное плечо, ясен пень, вежливо он не понимает, и уже приготовился ломать-таки ему руку…

Но Поц, против ожидания, на него не бросился, а уставился куда-то в сторону с неописуемо-растерянным выражением морды. Эта растерянность была такой неуместной и искренней, что Дон тоже обернулся – и встретился взглядом с товарищем Твердохлебовым.

Вот же леший! Не примерещился!

Физрук глядел безо всякого выражения, как медведь, и привычно ковырялся в зубах щепочкой. Увидев, что внимание подопечных на нем, тихо бросил:

– Шпильман, Селиванов. – И сделал скупой жест в сторону школы, а Киллера окинул долгим внимательным взглядом.

Под этим взглядом даже Дону стало неуютно и остро захотелось спрятаться. Но вместо того он прямо посмотрел физруку в глаза, мол, я знаю, что сделал, и если надо – отвечу. Я, а не мои ребята.

Физрук выплюнул щепку и, развернувшись на пятках, неспешно пошел в сторону школы, уверенный, что его поцаны следуют за ним.

А Дон обнял Киллера за плечи и повел прочь. Позади сквозь зубы матерились Поц и Димон, не понимая своего счастья: все живы, никто не загремел ни в больницу, ни в тюрягу. Подумаешь, вывихнутое плечо, сломанный палец и разборки с Твердохлебовым! Фиалки!

Нелирическое отступление номер раз

Болело плечо.

Но и хрен бы с ним, с плечом, терпеть боль Миша умел. Дома учил брат, в школе – Твердохлебов.

Хуже, что болели глаза. Противная резь заставляла щуриться, часто смаргивать, а может, и не резь? Просто ветер?

Да, наверное, ветер, а вовсе не обида… он же не обижен, что проиграл? И главное, кому?! Каким-то задротам-ашкам! Мафия, фу ты ну ты, курам на смех… И выиграли-то они нечестно, просто он, Миша, отвлекся на Маринку, а Ариец, наверное, тоже отвлекся. А эти ботаны воспользовались!

Сволочи!

А Твердохлебов их поддержал! Не своих бойцов, – не зря ж класс «Б»! – а этих пижонов! Своим устроил выволочку, даже не попытался понять, что нельзя было иначе! Арийцу повезло, его Твердохлебов отпустил, а вот самому Мише и Коляну с Димоном влетело по полной. Дружить они должны с ашками! Вы вдумайтесь только, дружить! С этими… этими…

Тьфу!

От расстройства Миша даже за сигареты схватился.

Вот же… пригодились все-таки. На самом деле он не курил, среди бойцов это не поощрялось, посадишь дыхалку – и что с тебя толку? Но не в затяг – не считается, и потом, у ашек при виде сигарет становились такие морды!

Вот только спички не зажигались, и руки дрожали. Но это потому, что плечо было вывихнуто!

С треском сломалась третья спичка. Пятая.

Миша скрипнул зубами, смял коробок в кулаке, на миг представив, что это пижон Горский.

Коробок хрустнул.

Отбросив его метким щелчком в урну, Миша хотел уже выплюнуть так и не зажженную сигарету, но внезапно осознал, что рядом кто-то есть. И не просто рядом, а на той же лавочке в Таврическом саду, куда сам Миша спрятался… то есть отступил. На заранее подготовленные.

Блин.

Нет никаких заранее подготовленных! И тыла нет. Брат, как узнает о поражении, будет сначала ржать, а потом…

Рядом покашляли. И тут же перед Мишей оказалась зажигалка. Нормальная такая, потертая зипповская зажигалка. И держал ее нормальный мужик, не белоручка, сразу видно.

Миша молча прикурил. Так же молча вдохнул сухой горький дым. Потом только обернулся к мужику, протянул руку:

– Михаил.

– Ярослав, – ответил мужик, пожав руку. Крепко, с понятием.

Мужик был в возрасте, лет под сорок. Чернявый, с бородкой. В потрепанной косухе. Не хачик, точно – лицо не такое, и говорит по-русски без акцента. И по мозгам ездить не стал. Тоже закурил, по-настоящему, Мише даже стыдно стало, что он не затягивается.

Затянулся.

Обожгло легкие, запершило в горле, резь в глазах только усилилась.

Мужик посмотрел понимающе.

– Проблемы?

Миша пожал плечами, затянулся еще раз. Легче пошло, хоть все равно гадость редкая. И чего говорят, что сигареты успокаивают? Чушь. И на вкус – говно.

А мужик хмыкнул, выбросил свою сигарету – щелчком, точно в центр урны – и поднялся.

– Поехали, пацан, покажу одно хорошее местечко. – Повертел на пальце ключи от байка, поглядел изучающе. – И не кури ты эту дрянь. Не поможет.

Подумалось: будет предлагать дурь? Или в притон повезет? Жаль, а на вид нормальный мужик…

– Никакая дрянь не поможет, пацан, – продолжил мужик. – Даже не пробуй. А вот переключиться полезно. Поехали.

Миша пожал плечами. Выбросил сигарету – все равно ни хрена не помогает действительно.

Кивнул.

Почему бы и не поехать. Все равно делать нечего. Колян с Димоном ушли, Ариец небось дома отлеживается, а остальные… тьфу!

Не думать об остальных – трусах и предателях – отлично помог байк. Ярослав гнал так, что думать не получалось вовсе. Только держаться и жмуриться от встречного ветра.

Остановились только на полпути к Петергофу, под неоновой вывеской какого-то клуба. В первый момент Миша не понял, какого именно, – с вывеской возились рабочие, что-то там меняли, так что видно было лишь первые три буквы: «Пар…»

Кольнуло нехорошее предчувствие. Вообще вся эта нечаянная встреча была какой-то слишком своевременной…

Но Ярослав обернулся, стянул шлем и улыбнулся так понимающе, что Миша вмиг почувствовал себя трусливым пижоном. Улыбнулся в ответ, слез с байка и, разумеется, пошел в клуб. В конце концов, ему давно уже не десять, чтобы докладывать старшему брату, где он пил лимонад и какую девчонку дергал за косичку.

Название на двери оказалось знакомым. «Парадиз». В этот клуб брательник велел не соваться никогда и ни за что. И не только в этот – еще в десяток по Питеру.

А пошел он со своими тайнами и воспитанием! Лупить почем зря – это за ним не заржавеет, а объяснить толком, в чем засада с клубами, – хрен вам. Вот и на хрен тебя, брат.

Ничего особенного в этом клубе не было. Обыкновенная недорогая пивнушка с бильярдом, Розенбаум в динамиках. Мало чем отличается от брательниковой штаб-квартиры, разве что освещение странноватое, синее какое-то. Так, что лица словно мертвые.

Миша подавил невольную дрожь, когда Ярослав обернулся к нему.

В этом хреновом свете показалось, что на него глядит упырь. Мучнисто-серый, морщинистый, с красными глазами.

Тьфу, говно!

Ярослав махнул рукой куда-то в глубину зала и что-то сказал. Странно, вроде ж не особенно и громкая музыка. А что сказал – не слышно.

Да и хрен с ним. Надо мотать отсюда, пока не поздно. Пока не съели. Прав был брат, не для нас ихние Парадизы!..

Очень кстати Ярослав отвернулся и вообще пошел к стойке. Привез, показал, и спасибо тебе, мужик. Пора мне.

У самого выхода Мишу окликнули.

Девчонка окликнула. Звонко, задорно.

– Эй, не твое, парень? Уронил!

Обернувшись, Миша сначала увидел свой берет в чьих-то руках – он светился ярко-голубым так, что глаза резало. И потом только разглядел ее.

И едва не удрал с криком ужаса.

Остановило только упрямство – что он, пацан зассанный, бежать от чудищ из-под кровати? Подумаешь, страшная тетка. Ну, бритая. Ну, старая. Ну, намазюканная под воблу вокзальную. Что он, теток не видел?

Пока он стоял и думал, что этой мымре от него надо, мымра подошла. Улыбнулась. Даже странно, все зубы были на месте. Да и вблизи она уже казалась не такой уж старой и страшной. Просто тетка в возрасте. И не бритая – короткий ежик на голове. Синий.

– Ты берет уронил. На, возьми.

Он взял протянутый берет, ненароком коснувшись ее пальцев. Теплых и сухих.

– Э… спасибо.

Он собрался было надеть берет и смотаться, но тетка взяла его за руку. Ничего так, нормально взяла, не нагло. И улыбнулась хорошо, с интересом.

– Да не обращай ты внимания на этот свет. Сергеич, придурок, что-то намудрил а-ля Америка, сегодня весь день то синие все, то зеленые. Ты тоже. – Она засмеялась и показала на зеркало. – Глянь, сам-то!

От монстра в зеркале Миша отшатнулся, едва не упал – под ноги попался стул. И заржал.

Вот же! Перетрусил, как малявка в «Очень Страшном Замке» со светящимся скелетом на ниточках!

А все эти пижоны виноваты. И Твердохлебов. И брат. И Ариец.

Сволочи. Предатели.

Лохи.

В его руках сама собой оказалась бутылка пива, под задницей стул, а напротив – она.

– Анна Шапочкина. Можно просто Аната. – Она подмигнула. – Расслабься, красавчик. Просто выпей со мной. И расскажи, почему ты такой злой?

Мелькнула мысль: что-то тут не то. Подвох.

Мелькнула – и пропала. В конце концов, не будет вреда, если он просто поговорит с Анашой. Расскажет о сволочах и предателях. Выпьет с ней пивка. Может, даже трахнет. А почему бы и нет? Опытная женщина – это вам не дура Маринка, она видит, кто чего стоит.

Да и не такая уж она старая. Это все свет виноват.

А в другой раз, может, тут и нормально будет. Сказали ж – это только сегодня так. И вообще – сейчас пивка, и все будет зашибись.

Миша поморщился от странно-затхлого запаха от бутылки, зажмурился и сделал первый глоток.

Глава 3,
в которой выясняется, что благородное происхождение – вовсе не гарантия приличного поведения

В кафе-мороженое пришлось идти через аптеку. Ромке, к счастью, нос не сломали, отделался ушибом и синячищем на пол-лица.

– Это не повод отделяться от народа! И вообще мороженое – лучшее средство от всех болезней! – заявил Ромка голосом Карлсона.

– Ладно, герой, наложим холодный компресс, и лопай свое мороженое, – согласился с ним Дон.

И они всем классом, теперь уже – единым классом! – пошли в «Магнолию».

По дороге класс радостно галдел, за раненым героем Ромкой ухаживали сразу две девчонки, одна из ашек, вторая из бешек, и еще минимум три пытались увиваться вокруг Киллера. Тот их не замечал, был где-то то ли в себе, то ли все еще в Валгалле, но держался рядом с Доном. На пару-тройку попыток вовлечь его в разговор не отреагировал, но, видимо на автомате, взял под ручку Янку – самую активную увивалку, рыжую и веснушчатую, – и ей рассеянно улыбнулся. Но внезапно ожил на подходе к кафешке и куда-то уставился. Даже не прослеживая его взгляда, было понятно куда.

Около «Магнолии» сегодня мучил гитару Прогонини.

Жалкое и болезненное зрелище.

Кто его так прозвал, Дон не знал, но вполне понимал почему. Чем-то он был внешне похож, такой же острый и резкий профиль, почти черные глаза, длинные темные волосы, вроде бы и чистые, но неухоженные, сильные тонкие пальцы, страдальчески-вдохновенное лицо и что-то еще неуловимое в мимике, в позе, говорящее: перед вами великий музыкант.

Одна беда. Гитара в его руках плакала и визжала, хоть техника его была безупречна – уж на то, чтобы это понять, Донова музыкального образования хватало. Сегодня ворочался в гробу Гойя, потому что Прогонини одолела «Ностальгия».

Впечатление он и его не-музыка производили сокрушительное, особенно в первый раз. А Киллер же сразу сказал, что играет, и едва не был записан в чисто декоративные чихуахуа. Да уж, на такую чихуа не каждому мастиффу рекомендуется тявкать.

– Уши заткни, – буркнул Дон, пихая Киллера к дверям кафешки, увитым лианоподобными пластиковыми ветками с огромными стремного вида цветами. Леший знает, почему этих бело-розовых монстров назвали магнолиями, уж скорее они напоминали росянок-мутантов, в такой цветочек сунь палец – всю руку откусит.

Киллер глянул на него страдальчески: похоже, от визга гитары у него заболели зубы. А может быть, стало жаль Прогонини – его все жалели, ужасались и тихо молились, чтобы с ними никогда не случилось ничего подобного. Он появился в Питере лет пятнадцать назад – сам Дон этого, разумеется, не помнил – откуда, никто не знал, а говорили все одно и то же: что когда-то он был мировой знаменитостью, не то пианистом, не то скрипачом, а может, и хирургом, тут уже начинались разногласия. Был, словом. Когда-то. А потом что-то с ним случилось, отчего он сошел с ума и даже имя свое забыл.

Дон хотел уже просто пихнуть Киллера к дверям, как страдания гитары резко оборвались, на половине такта, и Прогонини с гитарой в руке бросился к ним, к Киллеру, схватил за руку, так, что Киллер дернулся, и потребовал:

– Верни мне мою музыку, девочка! – громко, властно, красивым баритоном.

Дон почти поверил, что когда-то Прогонини был знаменит, даже почти его узнал: на мгновение глаза сумасшедшего прояснились, плечи развернулись и даже скорбные морщины

разгладились. Но Киллер выдернул руку, отступил за Дона, и Прогонини увял, невнятно забормотал:

– Девочка моя, девочка, не бойся, маленькая, я не он, не обижу… только ты верни, мое – отдай, а я присмотрю, чтоб никто… музыка, музыка моя… вся кончилась…

Вжал голову в плечи и все равно продолжал смотреть на Киллера. Просительно, чуть не жалобно.

А Киллер испугался и растерялся, это прямо кожей ощущалось. Шутка ли, пристал псих ненормальный, кто его знает, что он сделает? Да еще за какую-то девочку принял! И от растерянности закаменел.

Интересные у него реакции, подумал Дон, осторожно оттесняя сумасшедшего:

– Вы ошиблись, маэстро, идите, да идите же!

Прогонини отошел, но играть не стал, и слава богу. Просто стоял и смотрел на Киллера, и смотрел, и смотрел… Сумасшедший!

Зато Киллеру помогла отвлечься Янка. Очень артистично споткнулась на ровном месте, ойкнула, повисла у него на руке и виновато-виновато потупилась. Дон тем временем встал между ним и Прогонини, еще и Маринку к себе притянул, чтобы загородить совсем надежно. Но это уже не требовалось. Киллеру понадобилась секунда, не больше, чтобы отвернуться от сумасшедшего маэстро и стать все тем же Цезарио-павлином, что выпендривался в классе. Он вполне адекватно улыбнулся, пропустил вперед сначала своего дона с дамой, потом Янку, куртуазно помог ей снять плащик и отдал его официанту, чтоб повесил. За Маринкой тоже поухаживал, пока Дон распоряжался, как сдвинуть столики, чтобы поместилось почти два десятка человек. И как ни в чем не бывало уселся слева от Дона. Глаза у него снова стали нормальные, темно-зеленые, а не снежно-безумные.

Не отлучаясь больше в Валгаллу, Киллер принялся ухаживать за Янкой – ненавязчиво и деликатно, но так, что стало совершенно понятно: он даму сердца выбрал. В разговоре тоже участвовал, и хоть больше слушал, но если говорил – то в самое яблочко. Девчонки каждый раз хихикали и строили глазки, Арман дю Плесси покровительственно кивал и местами дополнял – в общем, видно было, что Киллер приживется в классе. Когда мороженое и летние новости подошли к концу, а официантов послали за кофе-чаем и десертом – горячим, никто ж не хочет неприятностей в виде ангины? – в кафешке появился Прогонини. Тихий, серьезный, почти нормальный на вид. Подошел к Киллеру, протянул ему гитару и почти неслышно попросил:

– Сыграй для меня.

Киллер кивнул и взял инструмент, а Прогонини отошел, совсем недалеко, к свободному столику у дверей.

– А в кустах так кстати оказался рояль, – радостно прокомментировал Ромка, которого было почти не видно из-за очередного ледяного компресса на носу, зато отлично слышно: к благородному рязанскому профилю, удачно не подпорченному медведем-Димоном, прилагался истинно шаляпинский бас.

– Оркестр, – подмигнул Леон, неожиданно проказливо, для такой-то мрачной физии.

Посерьезнел, погладил ладонью гриф, поморщился, подкрутил колок и закинул ногу на ногу. Тронул струны, бережно и уверенно, но как-то… слишком естественно, что ли. Не так, как Дон трогал кистью холст, и не как Маринка – свое фортепиано. Скорее, будто себя потрогал. Ну, как ухо почесал, точно зная, что и как делать и как гитара на это откликнется. И откликнулась же! Совсем не похоже на скрежет и стон под пальцами Прогонини. Сонно мурлыкнула, вздохнула… Ойкнула, когда он щипнул струну.

Леон в ответ задумчиво-ласково улыбнулся, снова погладил струны.

«Под небом голубым…» – запел он через два такта, только на итальянском, глядя почему-то на Дона, и в глазах его снова бушевала снежная Валгалла, кружила и затягивала… Во вьюжной белизне мелькнули и пропали лица одноклассников, стены кофейни, а еще через миг

лицо обожгло солнцем, а вокруг заговорили по-итальянски, как на пятничном флорентийском базаре, и резко запахло морем, нагретым камнем, рыбой, лошадьми, свежей фокаччей и мочеными оливками, и лица отчетливо коснулся раскаленный воздух…

– Что с вами, синьор? – спросил надтреснутый старческий голос, а Дон в ответ закашлялся, надрывно и болезненно, и так и не смог ответить, что он пришел слушать музыкантов и искать свою потерю, но опять не нашел, а без нее – никак!..

Кашель прошел, как начался, внезапно, на языке опять появилась сладость мороженого, последним исчез запах рыбы – сменился на пряный кофейный аромат. Осталось только странное ощущение правильности, словно там, во сне, он все же нашел свою таинственную потерю.

Леон уже молчал, и гитары у него в руках не было, и Прогонини куда-то делся. Класс тоже молчал, даже пролетарии.

Первой шевельнулась Янка.

– А я знаю, что ты играл, – сказала тихо. – Это же канцона Франческо да Милано, да?

– Это Гребенщиков![21] – с чувством собственного превосходства буркнул кто-то из бешек.

Леон насмешливо изогнул бровь в сторону голоса, а Янке кивнул и улыбнулся.

Дон тоже хотел сказать, что Янка права, но голос не слушался, словно он в самом деле только что кашлем содрал горло. И сердце колотилось как бешеное. В точности как после ночных кошмаров.

– Я читала одну легенду, – продолжила Янка так же тихо. – Хотите, расскажу?

Семья Альфа хотела, потому что знала: Янка прирожденный рассказчик, а бывшие пролетарии присоединились ради поддержания компании.

Одному Дону было все равно. Он все еще не отошел от глюка, слишком явственного, чтобы списать на впечатлительную натуру художника и музыкальный талант Киллера. Тем более что Флоренция и безнадежный поиск снились ему и раньше. Но не так же, не среди бела дня!

Тем временем Янка глубоко вдохнула и начала рассказ.

– …Жил был давным-давно во Флоренции великий мастер. Был он и скульптор, и ювелир, и музыкант, и воин – всеми талантами сверх меры одарен, и не было ему равных во всей Италии…

– …и звали его Доном Десятого «А», – тем же тоном, но совсем тихо добавил Ришелье.

Дон через силу улыбнулся и показал ему кулак.

Янка сделала вид, что не услышала, и продолжила:

– На свою беду знал мастер, что не найдется ему соперника, всех он превзошел в мастерстве. Одолела его тоска: раз всех превзошел, так и стремиться больше некуда. Стал он топить тоску в вине, выплескивать на буйных праздниках, поединки устраивал, не за оскорбление даже, за косой взгляд.

«И что порося не купил? Или Поца себе не завел?» – постаравшись отрешиться от глюков, подумал Дон, но как-то без огонька. Он прекрасно знал, что за легенду рассказывает Янка. Этой легендой и вообще этой личностью Филька ему весь мозг проела. Из-за нее и сны. И глюки тоже.

– Так бы, наверное, он и жил, – продолжала Янка, – если б не шепнул ему кто-то на одном из праздников, что самый главный ему соперник – он сам и есть. Загорелся мастер, решил себя самого превзойти и создать нечто такое, что никогда не создавали до него и после не повторят. Заперся он в своей мастерской, никого туда не пускал и сам за порог не выходил. Несколько лет провел так, а после вышел, явился к самому герцогу во дворец и показал всем лютню…

---

[21] Есть некоторая вероятность, что ошибаются оба, так как в сборниках произведений Франческо Кановы да Милано ни одной канцоны не значится. Не исключено, что В. Вавилов просто приписал собственное сочинение покойному, а потому безответному Канове. Это ж какая реклама! С другой стороны, возможно, канцону просто скрыли из зависти музыковеды. – *Прим. авт.*

– Не лютню, а гитару, – почти неслышно буркнул Киллер, до того сидевший с вежливо-заинтересованным видом.

Дон глянул на него искоса: любопытно, Киллер тоже интересуется итальянскими мастерами? Или лично синьором Бенвенуто Челлини? Хотя дурацкая мысль. Филька же взяла его в класс Альфа, значит, не просто интересуется, а разбирается.

– Лютню! – настойчиво повторила Янка, всегда ревниво относившаяся к аутентичности своих историй. – Удалась мастеру задумка, превзошел он себя. Равных его лютне по красоте не было. Да еще пела его лютня как живая, девичьим голосом. С того дня не стало мастеру покоя, уж очень лютня его герцогу приглянулась. И не ему одному. Просили мастера продать лютню, любые деньги предлагали, только мастер всем отказывал. Но ведь если человек сильно чего-то захочет, то ни перед чем не остановится. Украли у мастера лютню. С того дня заболел мастер, стал чахнуть, а вскоре умер.

«…всего три месяца прожил без нее. Искал по всей Италии, нанимал воров, растратил на поиски все, что у него было, сам ходил по площадям в надежде услышать свою гитару, – параллельно звучал у Дона в голове голос Фильки. – Умер бы от чахотки, если бы…»

– …а лютню вор преподнес одному графу. У графа сын был, наследник. Заболел он этой лютней, забыл и друзей, и дам, и праздники, только на лютне играл, песни слагал. Граф радовался поначалу, но время шло, надо было наследнику в дела графства вникать, а он – ни в какую. Тогда отец отправил его в университет, а лютню с собой взять не позволил. Юноша уехал, с отцом не поспоришь. Только все ему стало не мило, тосковал он, рвался домой. А както раз услышал на каком-то празднике лютниста, и помутилось у него в голове. Показалось ему, будто маэстро на его лютне играет! А лютня в его руках не поет – плачет и кричит. В ярость пришел юноша. Подкараулил маэстро и убил. И только схватив лютню, увидел, что не та, и разбил ее.

– Как романтично, – вздохнул кто-то из девчонок.

«Романтичный маньяк и убийца», – про себя хмыкнул Дон, старательно не думая о Флоренции, рыбном базаре и раздирающем грудь кашле. Это всего лишь фантазии. Слишком впечатлительная артистическая натура. Пройдет. Хотя романтичного маньяка, убийцу и вора Дон бы своими руками закопал. И для надежности – осиной пришпилил. Осиновый дрын в сердце – исключительно надежный способ борьбы с маньяками.

Янка тоже глянула на девчонку, – кажется, это была Лизка, – сердито и добавила:

– …а потом по всей Европе находили трупы лютнистов и разбитые в щепу лютни. – Отвернулась от Лизки, перевела дыхание и вернулась к тону летописца Нестора: – Через несколько лет вернулся юноша домой, забрал лютню и ушел. Стал он великим музыкантом, послушать его со всей Европы ехали. А когда умер музыкант, завещал он, чтобы лютню его с ним похоронили. Чтоб ничьи руки больше ее не коснулись. Только граф-отец сына не простил, не дал выполнить его последнюю волю. Забрал он лютню и увез в свой замок, а детям и внукам накрепко запретил к проклятому инструменту прикасаться. И чтобы лучше выполняли его наказ, снял с лютни струны и распродал по одной…

А Дону вспомнилось, как он с полгода назад видел в Интернете новость: странное ограбление частного замка-музея в Лиможе, убит охранник, сигнализация не сработала, видеоаппаратура сломалась, грабители не взяли ничего, только разбили гитару эпохи Ренессанса. Злоумышленника, разумеется, не нашли.

Могла это быть та самая гитара?

Плевать. Это все глюки от нервов.

– …Говорят, душа музыканта до сих пор не может обрести покой. Ищет он свою лютню и не успокоится, пока не найдет. Говорят еще, что лютня так и не простила смерти своего создателя. И что сведет она с ума любого, кто ее возьмет и коснется струн…

Когда Янка закончила, класс молчал. Лизка и Наташка промокали глаза салфетками, парни из «Б» хмурились и отводили глаза, невместно же сильным мужчинам так переживать какую-то замшелую сказку. Это они не знают пока, что Янка может стишатами про Мойдодыра слезу вышибить. Талант, однако.

Обстановку разрядила официантка. Кажется, она тоже заслушалась, так что чайники на ее подносе слегка остыли.

– Кто заказывал фруктовый? – бодро спросила она.

Фруктовый заказывала Маринка. А еще Янка, Наташка и остальные девчонки тоже. Парни потянулись к черному, с чабрецом. Киллер сначала промедлил, словно все еще переживал легенду, налил себе последним и, уже сделав глоток, наклонился к Дону и вполголоса проговорил:

– И все-таки это была гитара.

– Почему ты так в этом уверен? – так же тихо переспросил Дон.

Киллер пожал плечом.

– Не знаю. Но знаю точно, что именно гитара, а не что другое.

– Ну… – неопределенно протянул Дон.

Он сам не мог понять, разочарован тем, что Киллер не знает этой истории, или доволен, что в их с Филькой узкий круг посвященных не затесался кто-то еще. Хотя… какая разница? Все же хорошо, так ни к чему париться. Лучше наслаждаться жизнью.

Дон и наслаждался. Вкусным чаем, десертом, близостью Маринки – целых два месяца не виделись, сам только за день до сентября вернулся из Коктебеля, где они с матерью работали. То есть иногда работали, когда на материного очередного гениального творца-любовника нападал стих рисовать. Как показали эмпирические исследования, это явление коррелировало с отсутствием пива в холодильнике и появлением под окнами санаторного корпуса заклятого коллеги с мольбертом под мышкой.

Наслаждался он ровно до того момента, как закончилась вечеринка и пора было домой. А чтобы домой – сначала надо было вернуться к школе и забрать байк. Не ему одному, Киллеру тоже. Вот как раз вид Киллерова байка чуть не нарушил правильную медитацию. Банальной завистью и ревностью. Потому что его байк был новее и мощнее.

– Хорошая машинка, – хлопнув байк по седлу, сказал Дон. – Завидую.

Вот так. Честно и прямо. Потому что свои недостатки надо признавать, тогда слабость может стать силой.

Глава 4,
в которой баобаб задумывается о вечном

На следующий день Дону было не до рассуждений о силе и слабости и даже не до трепа со свежеприобретенным Киллером. На первом же уроке информатики Гремлин[22] взял такой темп, что думать ни о чем другом просто не получалось. Даже на перемене.

По традиции звонков с урока было два: первый для быдла, то есть классов «Б», через сорок пять минут после начала; второй – для Альфы и ведьм, то есть классов «А» и «В», через пятьдесят пять минут. Ибо ни к чему перегружать и так слабенький мозг пролетариев. Теперь же уроки слили в пары, пара длилась час сорок пять, и процессор загружался по полной даже у Альфы. Что было хорошо и правильно: скучать на уроках – это даром терять время, которого и так не хватает.

Бывшие бешки после первого же звонка с первого же урока начали было кряхтеть и жаловаться, но как только Поц что-то вякнул о законодательстве, правах ребенка и РОНО в свете возвращения к старым порядкам, остальные резко замолчали. И тут-то пролегла новая демаркационная линия, отделив две последние парты в правом ряду от остального класса. Первым эту линию обозначил Витька, неодобрительно глянув на Поца и пробурчав что-то о необразованных дубах, которые могут таковыми и оставаться, если им нравится. А он, Витька, не хочет ни в сантехники, ни на завод, ни в менеджеры клиринговых агрегатов и потому предпочитает учиться полную пару, а не резаться в морской бой и «Сталкера» на планшете сначала в классе чистый академчас, а потом на перемене еще пятнадцать минут. И на факультативную европейскую историю он тоже пойдет, а пить пиво после четвертой пары – нет.

Свои же, бывшие бешки, малость офигели: поцан, и строит фразы длиннее четырех слов, не употребляя при этом матерных связок? Чудо причудилось, не иначе. Особенно причудилось Арийцу, сидевшему с Витьком. В небесных глазах отразилось такое детское изумление, что хоть пустышку ему суй, дабы детка не плакала.

Зато Шикльгрубер, он же Поц, быстро понял, что за ветер его обдул, и скомандовал:

– Эрик, сюда, – показав на место рядом с собой.

Ариец пересел, привычно радуясь вниманию атамана, и победно глянул на Лизку: я крут! И тут же недоуменно сник. Лизка крутизны не оценила, а жалостливо свела бровки и вздохнула:

– Баобаб.

Задуматься, что такое баобаб, почему это он – баобаб и может ли это быть знаком внимания, ему не позволил Поц. Дернул за руку и что-то зашептал на ухо. Жаль, Дон не слышал с другого конца класса, да и было совершенно не до того: шла информатика, а общение с кодами давалось ему тяжело. Тут пропустишь пять минут – и будешь потом торчать перед монитором два часа, пытаясь сообразить, как правильно расставить буковки, чтобы комп не казал фак вместо программы.

И только на второй перемене, дожевав пирожок, Дон сообразил, что же сегодня не так.

Тишина.

Покой.

То есть школа, как всегда, гудела-трещала-визжала-грохотала и чудом не разваливалась по кирпичику. Но ни один учитель, не говоря уже про завуча или директора, ни слова не сказал про вчерашнюю драку на стадионе! Не может быть такого, чтобы Твердохлебов забыл и не доложил. Как не может быть, что Эльвира Повелительница Тьмы плюнула и поленилась устро-

---

[22] Гремлина зовут Гремлином даже коллеги-преподаватели. Мало того, он никогда и никому не представляется настоящим именем, то есть предпочитает не представляться в принципе. Имеется большая вероятность, что его имени не знает вообще никто. С его братом-близнецом, Интригалом (преподает математику), совершенно та же история. – *Прим. авт.*

ить скандал. В отличие от Фильки, она Дона не любила. Может быть, потому, что к ее химии он был генетически неспособен, примерно как к информатике. Впрочем, Поца и бешек она не любила еще больше, так что досталось бы всем.

Наверное, скандал будет после занятий, когда у пролетариев закончатся обязательные две пары общей программы и одна физподготовки, подумал Дон и успокоился. Толку волноваться о том, что от тебя не зависит? Товарищ Твердохлебов вчера все видел и все, что хотел, Эльвире рассказал.

Как любит говорить мама, акуна матата[23].

Но ни после третьей пары, ни после четвертой Повелительница Тьмы не проявилась. Даже Филька, и та ни словом не дала понять, что в курсе, и тем более – как относится к результатам.

Дон сам ее спросил. Несколько не о том, а неважно.

– Фелициата Казимировна! – Нашел ее после уроков в ее же классе поливающей цветочки. Мадонна, мечта, ангел, только зрение подкачало, не дали карающего меча. – Когда будут индивидуальные?

Мадонна обернулась, поправляя на носу очочки и продолжая лить из леечки точно под монстеру пятнистую.

– Завтра, Дон, все завтра.

Вид у нее был спокойный донельзя и тон мягкий. Такой мягкий, что Дон тут же вышел из класса и плотно закрыл за собой дверь. Не хочет Филька сейчас разговаривать, и ладно. Дураков нет лезть к ней, когда она такая. Как-то был прецедент: Эльвира не догнала Филькиной вежливости и попробовала что-то там потребовать, как директор. О, как гениально она была послана! Как мяч Марадоной. Как пуля Азазеллой[24]. Как янки на хоум президентом Венесуэлы[25]. И сама поняла, что послана, через пять минут, не раньше. Так послать ведьму – большой талант нужен.

Назавтра в десятом «А» – думать о своем классе как о курсе или группе не получалось; привычка, дорогие доны, это вам не фунт изюму! – снова были подозрительные тишина и покой. Даже Твердохлебов на уроке осинобытия сделал вид, что понятия не имеет, почему у Димона пальцы в лубке, а Эльвира на химии – по донесениям Ришелье и Ромки – даже не намекнула, что знает про драку, и не привела по обыкновению в пример образцового поведения биологов, то есть десятый «В». Сам-то Дон вместо химии, ввиду генетической неспособности к предмету, отправился к Фильке на итальянский и с удивлением обнаружил, что не он один законно прогуливает.

В классе у Фильки уже сидел Киллер и хрустел здоровенным красным яблоком.

– Лови! – второе яблоко, брошенное Филькой, полетело в Дона, едва он сунулся в класс.

С яблоком в зубах спрашивать, какого лешего тут делает Киллер, было как-то неудобно. Да и без толку. Если Филька не хочет объяснять, хоть ты тресни, но объяснять не будет. А если хочет, то можно не спрашивать, сама расскажет.

Акуна матата, как говорит лучшая в мире матушка, постигшая дзен.

Правда, акуна матата получалась плоховато. Из-за Киллера. Дон толком не понимал, чем павлин его так задевает. Не раздражает, не вызывает желания отвернуться, как Поц. А именно задевает. Притягивает взгляд. Вызывает зудящую потребность его рассмотреть, пощупать, понять, наконец. Может быть, равнодушием? Такой редкостно самодостаточной твари,

---

[23] Мудрое изречение принадлежит персонажу мультфильма «Король Лев».

[24] Дон в курсе, что имя Азазелло не склоняется. Дон просто дурака валяет.

[25] В основном Дон смотрит телевизор по третьему буддийскому методу, то есть выключенным. Но некоторые особо выдающиеся события, вроде исторического заявления Уго Чавеса «Янки, go home!», настолько проникают в ноосферу, что выключенный телевизор им не помеха.

как Киллер, Дону раньше не попадалось – даже матушка-пофигистка меркла на его фоне. Ну разве что Филька, но Филька – это вообще отдельная история.

Пока отдельная история впаривала Киллеру, что итальянский – это его второй родной язык, просто он сам об этом пока не подозревает, Дон его рассматривал. В десятый, наверное, за сегодня раз. И снова не мог понять, что же в нем неправильно. Не то что-то в мимике и пластике, не то в манере держаться… не в чертах и пропорциях наверняка, здесь у Дона был достаточно наметанный глаз, чтобы сразу найти изъян. Но… но… Да кто ж его разберет, этого Киллера! Филька всегда говорит, что доверять себе – первейшее правило, и Дон всегда видит именно то, что есть на самом деле, он же художник… вот только видел Дон какую-то невнятную чертовщину.

– Tornate alla lezione, Don[26], – мягко велела Филька.

Дон ответил также по-итальянски, что он весь внимание, и вообще все лето мечтал о счастье изучать историю культуры с мадонной Феличе.

Филька засмеялась каламбуру[27], подмигнула ему и продолжила спрашивать Киллера, что он знает о Возрождении и что бы хотел узнать. По-итальянски, разумеется, разве что сегодня она говорила раза в три медленнее, чем обычно. Киллер сначала пытался ее убедить, что итальянского почти не знает, и на французский он не похож, и нельзя же так сразу!..

– Только так и можно. Давай, где не хватает слов, пользуйся жестами, как настоящий итальянец!

Как ни странно, Киллер ее отлично понимал. Впрочем, когда Дон только пришел в эту школу к Фильке, он тоже ее понимал на любом языке. Наверное, если бы ей вздумалось говорить по-китайски, он бы и китайский выучил за пару месяцев. И ничего в этом странного нет, говорила она, как раз так – нормально и правильно.

Она вообще любила повторять, что на самом деле ничего странного не бывает, все легко объяснимо, если дать себе труд подумать и проследить первопричины и логику.

Вот и сейчас она очень логично объяснила Киллеру, что учебного процесса без постановки «Двенадцатой ночи» быть не может. Потому что на носу театральный фестиваль, и питерская школа просто обязана сделать московскую и казанскую.

Киллер недоуменно округлил глаза: почему именно московскую и казанскую? Разве фестиваль не питерский?

А Филька покачала головой и велела Дону помочь новенькому с историей ВШ № 13.

– В смысле?.. – Киллер перевел растерянный взгляд на Дона.

А Дон про себя вздохнул: откуда только этот Киллер свалился и как ему удалось сдать переводные экзамены, если он вообще не понимает, куда пришел учиться? Павлин французский.

– В смысле – после занятий объясню. И учи уже роль, Цезарио.

– Лучше бы «Короля Лира» поставили, – буркнул Киллер, не желающий играть Цезарио. Он так увлекся своим нежеланием, что забыл перейти с итальянского на русский. Вот тебе и Филькина метода.

– И поставим, – солнечно улыбнулась Филька. – Можешь хоть Макбета сыграть, но потом. Сначала…

– Вио-ола, я уже понял, – еще мрачнее отозвался Киллер.

Поправлять его Филька не стала, только подмигнула. И Дон не стал. Сам поймет, в чем тут соль, когда прочитает пьесу.

---

[26] Вернись к уроку, Дон (*итал.*).

[27] Felice – счастье (*итал.*).

Киллер читал. И ремейк авторства Ромки, и конспекты Дона по истории школы, и до фига литературы из школьной библиотеки. Задавал Дону кучу идиотских вопросов, на которые Дон терпеливо отвечал, и приходил на пары осоловелый от недосыпа.

Впрочем, Дон тоже. Программа двух университетских факультетов, впихнутая в четыре года училища, даже тренированным Альфа грозила вскипанием мозга. Так что ему было совершенно не до школьной политики. Он только к концу второй учебной недели сообразил, что они так ни разу и не собрались ядром безобразия расслабиться и обсудить насущные дела. Тем более что Поц притих, вроде даже начал учиться и не требовал немедленного внимания.

Опомнился Дон только в пятницу утром, когда вместе с завтраком на столе обнаружил записку:

«Сын, я уехала в Ялту до конца месяца. Если что, звони. Целую, мама».

К записке прилагалось несколько купюр. Пересчитав их, Дон завис. Это – до конца месяца? Ведь сейчас только… только…

Он перевел взгляд на календарь с котятами в корзинке, потом за окно, потом снова на календарь…

Вот же черт. Уже почти середина сентября! Заучился! Ладно. Зато завтра после уроков пойдем ко мне, посидим, хоть с Киллером поближе пообщаемся, а то все только на уроках и об уроках, и расспросить-то нормально некогда.

Днем времени снова не нашлось: будто мало было занятий, еще и Лизка опять разозлилась на Арийца и весь день над ним издевалась. Умно и тонко. Большая часть класса тихо хихикала над ее комментариями, сам Ариец недоумевал и обижался, преподы злились, Поц хмуро зыркал то на Лизку, то на Дона, в общем, пришлось Лизку попросить оставить белобрысого в покое, объяснив, что он на нее так пялится не от вредности, а от восхищения. И жухлые листья ей засунул в сумку тоже от восторга. Нет, он в самом деле считает их красивыми. И свое поведение – романтичными ухаживаниями. Да, придурок. Нет, мозги не проснутся, если его стукнуть, и фиолетовым он не станет. Да перестань ты уже дергаться, сама как в детском саду, чесслово!

Всю большую перемену на это убил, едва успел сунуть в рот какой-то бутерброд прямо перед звонком. А про запланированные на завтра посиделки вспомнил только под конец последнего занятия, еле поймал убегающего Ромку:

– Завтра после школы у меня! – почти проорал, иначе ж не услышать в общем гаме.

Ришелье и Киллера тоже позвал, разумеется. Оба кивнули и унеслись по своим делам, а Дон подумал, что в этом году ядро безобразия как-то подозрительно рассыпается. Не то что они перестают дружить, нет. Но времени не хватает, у каждого свои дела, вон с Ришелье они теперь даже занимаются у Сенсея в разное время. У Дона же рисование, а у мудрого кардинала его Плешка – все же решился получить диплом заочно, и, кроме того, подтягивает Витька по истории и естественным.

Об Армане дю Плесси и тенденциях распада Дон и думал, когда после тренировки у Сенсея ставил байк на стоянку и шел в ближайший гастроном за едой и пивом. По случаю первого в сезоне общего сбора хотелось выпендриться, приготовить что-нибудь этакое, ну хоть буженину запечь. Вот он и набрал полный рюкзак: свиную шейку на пару кило и две упаковки чешского. Мука, яйца и всякие там тмин, зира, имбирь и чабрец, чтобы сделать для буженины правильную шубу, дома были. Надо бы еще взять тонкий лаваш, помидоры, зелень и ткемалевый соус, но это на рынке завтра, вместе и зайдут. А буженину запекать сегодня, еще бы ее самому не слопать!

Про буженину думалось так вкусно – да еще после Сенсея не стал есть, сразу пошел в магазин, – что аж в животе забурчало. И по сторонам не смотрелось, только вперед, быстрее домой, и плевать, что с самого утра ощущение подвоха, будто упустил что-то важное…

Потом. Сначала домой, поесть, а потом уже думать.

Нежелание думать его и подвело. Ровно в переулке, который между гастрономом и домом.

Стоило дойти до середины – а переулочек был короткий, метров в полсотни – как из-за угла вразвалочку вышел подвох. Два подвоха. Одного звали Поцем, второго – Арийцем. Улыбочка у Поца была приторная-приторная, прямо мечта мухи-дрозофилы. Он даже снизошел до некоего корявого приветственного жеста, а тут еще сзади послышались шаги: ну конечно, Поц не то что один, Поц и вдвоем не ходит, наверняка прихватил еще и Коляна с Димоном, и плевать ему на лубок и сломанные пальцы, не свои, не жалко.

Оборачиваться Дон не стал, и так по ухмылочке Поца было понятно, что правильно догадался, не наряд полиции и не общественная дружина там, за спиной, ходит.

Отстраненно подумалось, что товарищ Твердохлебов что-то недоработал со своими питомцами. Поцу сорвало крышу. Не понимает, что если они сейчас Дона убьют, их же посадят. И не убьют, а только покалечат – тоже посадят. День на дворе, свидетелей – вон, в окнах торчат, досмотрят, будут в органы звонить. Так что не видать Поцу своего вожделенного спецназа. Только Дону-то тоже не видать славы художника, эти уроды как ни крути, а руки ему переломают. По роже Поца видно, что озверел, берегов не видит.

Досадно.

И говорить с Поцем бесполезно. Сейчас его даже Филька не убедит жить дружно. Только «смит и вессон». Или «калашников».

Ладно. Если сбежать нам не дано, это не значит, что Поц получит свое моральное удовлетворение. В рожу он получит. Единственный шанс – это сломать Поцу нос и деморализовать гадов, а пока они деморализуются, делать ноги. До Лиговки двести метров, всего лишь спринт.

Просто – спринт.

Все эти мысли уложились в половину из тех десяти метров, которые разделяли Дона и Поца. Потому что шаг он даже не замедлил и улыбнулся Поцу, как улыбался бы любому знакомому, – солнечно и радостно. Пусть злится, хоть на полшанса больше выйти отсюда живым.

Ноль плюс полшанса – это уже полшанса. Что немало.

Полшанса – или Валгалла.

Когда Дон уже почти слышал звон мечей и кубков, чуть громче, чем тяжелые шаги за спиной, там же, за спиной, взревел байк.

Еще полшанса, подумал Дон, сжимая в кармане ключи с тяжелым брелоком – тоже оружие, если уметь пользоваться. Вот сейчас, Поц самую малость отвлечется на байкера, и…

– Залазь, Дон! – крикнул кто-то позади очень знакомым голосом, рядом с Доном притормозил байк, он запрыгнул позади седока, и байк с рычанием рванул вперед, прямо на Арийца.

Не выйдет, едва успел подумать Дон, уже почти видя, как Ариец своим знаменитым таранным ударом валит их вместе с байком на асфальт. Даже не додумал – когда они проскочили между что-то орущим Поцем и Арийцем…

Почему-то Ариец промедлил.

Всего миг, всего на полмига растерялся. Или усомнился. Черт его разберет почему, но сегодня он был просто Эриком Липиным, а не штандартенфюрером СС…

Байкер, не оборачиваясь, показал Поцу и компании фак, поддал газу – и вылетел на Лиговку.

Глава 5,
в которой старые легенды пахнут кровью

Пока летели по Лиговке и дальше, до самого Васильевского, оба сначала орали радостно-нецензурную чушь, а потом почему-то запели «Родина, еду я на Родину»[28]. Дон даже не задумывался, кто его вытащил. Просто не мог. Адреналин хлестал из ушей, в рюкзаке булькало пиво, светило солнце, матерились водители, и жизнь была прекрасна. А что руки дрожат и слезы из глаз, так то от ветра же! Скорость, форсаж, мать же вашу!

Из переулка выскочил огромный черный пес[29], басовито гавкнул и припустил рядом. До самого Васильевского он то отставал, то обгонял байк – легко, словно под его шкурой тоже было пять сотен лошадей. Позади бессильно злился Поц, впереди алел бездонный питерский закат, а между ними было – простое человеческое счастье: жить!

И лишь во дворе-колодце старого дома над Малой Невой, когда байкер сдернул шлем, обернулся, и под шлемом оказался взъерошенный и довольный донельзя Киллер, Дон подумал, что именно так и должно было быть. Кто ж еще-то? И байк, ну точно, как он мог не узнать его дракона? Он же эту модель изучил вдоль и поперек, до последнего винтика.

– Посадка прошла успешно, марсиане приветствуют вас! – проорал Киллер, размахивая шлемом.

Эхо откликнулось ему по русскому обычаю: мать, мать, мать! Или не только эхо, но и какая-то тетка с высокого этажа.

Да плевать! На тетку, на эхо, на все!

– Слазьте, космонавты, – повторил Киллер, помогая Дону удержаться на малость, самую малость качающемся асфальте. – Что там, пиво?

Дон кивнул, потому что даже угукнуть не получилось, и вытащил из рюкзака прохладное, хорошо взболтанное чешское. Две бутылки сразу. Киллер тоже кивнул, забрал одну, свинтил пробку и, не обращая внимания на пену, заливающую мотоциклетную куртку, отхлебнул сразу половину. Дон последовал благому примеру.

Полегчало.

По крайней мере асфальт перестал качаться, а в воплях тетки с верхнего этажа уже можно было разобрать отдельные слова. Все равно, правда, матерные. Вот она, питерская интеллигенция!

Интеллигенция же французская повертела в руках опустевшую бутылку и запустила ее в урну. Попала, что характерно, точно в цель. Ну, Киллер, он и есть Киллер! Осиял сумасшедшей улыбкой Дона, тетку, перебегавшую двор пятнистую кошку с котенком в зубах.

– Пошли праздновать!

И они пошли. Только в парадном Дон сообразил, что Киллер бросил байк как был, без цепи и чуть ли не с ключами зажигания. Не уведут?.. и тут же чуть не засмеялся собственной глупости. Дракона – и уведут. Ха. Он небось руку по самые пятки откусит, только тронь.

– Нормуль. – Киллер словно услышал его мысли. – Там какая-то хрень стоит, не уведут.

Ну-ну, видали мы эту хрень. Не хочешь сейчас рассказывать, где и чему раньше учился, – и не надо. Не все так сразу.

---

[28] Песня группы «ДДТ», автор Ю. Шевчук.

[29] Адреналин помешал Дону задуматься, какая мистическая сила позволяет им лететь по Лиговке и Невскому, когда все нормальные люди стоят в пробках и на светофорах через каждые десять метров. Он же помешал Дону вспомнить, что любимый им Ю. Шевчук пел еще одну песню: «Черный пес Петербург». Хотя есть вероятность, что пес просто желал сохранить инкогнито. – *Прим. авт.*

Праздник начался с кофе. Вернее, с уютного дивана в просторной кухне-гостиной, позвякивания ложечки о медную турку, густо-пряного кофейного запаха и приглушенного сине-зеленого света, словно сидишь под водой. Почему-то не получалось сосредоточиться и увидеть всю студию целиком, только отдельные фрагменты: странный ковер на каменной стене, похожий то ли на ловчую, то ли на рыболовную сеть, только сплетенную из холщовых синих ленточек; тень Киллера, танцующую на другой стене рядом с огромным ржавым гарпуном, обломанным на кончике; барную стойку, которая на самом деле – аквариум с водорослями и какими-то невзрачными рыбками… Дон даже пропустил момент, когда чашка с кофе оказалась прямо перед ним, на низком столике, а Киллер сел рядом, плечо в плечо. Ухватил свою чашку обеими ладонями и вздохнул.

– Я там, в переулке, не боялся, некогда было. А сейчас, честно говоря, трясет…

Дон слегка пихнул его плечом.

– Меня тоже. – Хмыкнул, отпил кофе, снова хмыкнул, теперь уже одобрительно. – Я думал, все уже, придется вам памятник заказывать. Дон-солнце в полный рост, с перстом указующим и ангелом счастья скорбящим. Мраморным.

Киллер фыркнул. Не иначе представил. И тихо, будто для себя, сказал:

– А я случайно увидел, как Поц со своими шепчется. Ну, когда ты про вечер сказал. По нему ж понятно, что пакость замышляет, вот я и решил присмотреть. Повезло, ну и Арийцу спасибо большое.

На Арийца Дон только вопросительно хмыкнул, не отрываясь от кофе. Мол, ты продолжай.

– Так пропустил же, – вздохнул Киллер. – Ну, видел, как он замешкался, да? Задумался потому что. Засомневался, по лицу было видно. А мог бы сбить.

– Видел. Мог бы, – внезапный приступ веселья и красноречия закончился, снова стало страшно и холодно, в точности как в переулке. – Тебе спасибо.

Надо было, конечно, сказать: ты многим рисковал, вытаскивая меня, и теперь поцанята из шкуры выпрыгнут, но тебя достанут. Потому что влез, куда не просили. Сразу, как пришел, так и влез. Нормальный бы парень сначала подумал десять раз, а потом послал и Поца, и семью к чертям собачьим, но не ты. Павлин и берсерк…

– Берсерк, – сказал вслух только последнее слово, повернулся к Киллеру, глянул ему в глаза. Сейчас – нормальные, темно-зеленые, без вьюги и валькирий. А тогда, в переулке, было не видно.

– Ага, – Киллер попытался улыбнуться в ответ, но улыбка вышла кривой и растерянной. – Погоди минутку, Дон, я сейчас…

Вернулся через пару минут, с вязаным толстым пледом. Набросил на плечи Дону и сам укрылся, забравшись на диван с ногами.

– Так лучше, а? Теплее. А то холодно у меня. Иногда.

– Лучше. – Дон тоже завернулся в плед по самые уши и понял, что его в самом деле трясет. И тошнит. И страшно до одури, так, что хочется забиться под кровать, накрыться одеялом с головой и звать маму, тихо-тихо, чтобы мама пришла, а страшные твари, живущие в темноте, не услышали. – Ну и дерьмо этот Поц.

– Ага… – Киллер поерзал рядом и вдруг обнял Дона за плечи. – Надо теперь чаще ходить вдвоем. А по одному не ходить. А, Дон?

– Надо.

Привалившись к теплому Киллерову боку, Дон поморщился: если Поцу совсем снесло шифер, а ему совсем снесло шифер, то дело плохо. Кого-то обязательно застанут одного, невозможно же все время ходить толпой. А этот урод не соображает, что придется отвечать за содеянное, и отвечать уже по-взрослому, в шестнадцать-то лет.

– Придется сказать Фильке. И Поцову брательнику. Он, конечно, тот еще двинутый вояка, но таскать Поцу передачи в тюрягу не захочет.

Киллер буркнул что-то угрюмо-согласное и снова замолчал, по-прежнему прижимаясь плечом. Странно уютно. И безопасно. Словно ни один в мире Поц не найдет сюда дороги, а если и найдет – то сильно о том пожалеет. Хорошее ощущение.

– Уютно, – пробормотал через минуту Киллер, словно подслушал Доновы мысли.

– Ты один, что ли, живешь? – разглядывая развешанные по стенам предметы, назвать это коллекцией или сувенирами не поворачивался язык, спросил Дон.

– Ага. – Киллер вздохнул и неожиданно разговорился: – Отец во Франции, мама в Москве. В прошлом году вышла замуж за одного урода, видеть его не хочу. Лучше уж как-нибудь один, от них подальше… отец устроил в эту школу, сказал, самое продвинутое образование в Европе…

– Устроил? – подтолкнул его к самому интересному Дон.

– Ну да. Он с Филькой знаком уже лет сто, она и обещалась за мной присматривать. К себе в класс взяла. Пришлось только пройти тесты. Странные тесты для факультета культурологии… слушай, за каким лешим вам стрельба из арбалетов?

Дон фыркнул. Дурацкий вопрос!

– Стрелять надо уметь из всего, что стреляет. Хоть из пылесоса. А раньше где учился?

Киллер фыркнул ему в тон:

– А где попало. Шесть закрытых лицеев, до черта всяких репетиторов, секций и клубов. Вздохнуть некогда было. Зато гитаре меня учил мировой мужик! А арбалеты ваши мне даром не нужны, только пальцы портить.

– Не хочешь арбалет, освоишь рогатку. Дел-то. Твердохлебов не Твердолобов, он уважает прибабахи богемы. – Дон хмыкнул и потянулся потрогать резной моржовый бивень. От него пахло старой легендой, кровью и смертью. Почти по Пратчетту.

– Эту коллекцию собирал мой отец. Он вообще-то историк, доктор наук и почетный член трех Академий. У нас дома в Лиможе целый музей. – Киллер обвел пальцем вырезанную на бивне фигурку оленя. – Я, когда первый раз сюда попал, всю голову сломал. Вот ты догадался, что это – коллекция суеверий?

– Суеверий? – переспросил Дон.

Он как раз пытался понять, что делают рядом с бивнем пистоль века так шестнадцатого и тускло-серебряный неровный круг с гравировкой-свастикой и едва различимыми скандинавскими рунами. Видимо, для полноты сюра под кругом висело серебряное же распятие, грубо сделанное и потертое, а рядом с ним – целый набор рыболовных крючков, от костяных и медных до современных стальных.

– Недействующих, – объяснил Киллер и покосился на Дона. – Ну, всякие талисманы и… вот, видишь вон ту сеть? Это из Кастилии, для охоты на оборотней.

– Эти линялые ленточки, что ли? – Дон засмеялся, представив, как матерый волчара стряхивает с ушей синюю холщовую лапшу.

Киллер тоже рассмеялся и кивнул.

– Ну да. У них было такое поверье, что синий цвет лишает оборотня силы. Понимаешь теперь про недействующие суеверия?

Через пару чашек кофе Киллер рассказал, как этим гарпуном веке так в пятнадцатом пытались убить морского льва, случайно заплывшего к фьордам, потому что его приняли за морского демона. Потом рассказал истории гравированного круга и бивня. Рассказчиком он был хорошим. Янке, конечно, уступал – но ей все уступают, зато рассказ пересыпал шуточками, то добродушными, то откровенно издевательскими, и получалось живо, легко и весело. Под эти истории, шуточки и кофе они согрелись, и противная дрожь в руках тоже отпустила, а

потом Дон сообразил, что Киллер давно молчит, глядит в аквариум и задумчиво улыбается, а он сам – рисует его ручкой на тетрадной обложке, почему-то с ледорубом в руке…

– Э… разве я такой страшный? – по-детски обиженно спросил Киллер, заглянувший через плечо. – И эта хрень зачем?..

– Не хрень, а ледоруб… ну, помнишь – таким Троцкого убили. Настоящий охотник на вампиров!

Дон положил последний штрих и отодвинул портрет. Киллер вышел бессовестно красивым, мрачным и опасным, хоть сейчас на афишу в роли какого-нибудь Ван Хельсинга. И ледоруб очень в тему.

Хотя, судя по недоуменной физиономии Киллера, аналогии между ледорубом и охотником на вампиров он не понял. Вот же павлин французский, у Дона в конспектах по истории Школы все это есть!

– Так при чем тут ледоруб-то?

Киллер осторожно обвел пальцем свой же силуэт на картонке. Было в этом жесте что-то такое… восхищенное, пожалуй. Иначе с чего бы Дону вдруг стало так приятно?

– При упырях-коммунистах…

На лице Киллера отразилось такое недоумение, что Дон чуть не засмеялся. Небось вообразил, что ВШ № 13 – это замаскированный Хогвартс? А осиновые палки волшебные? Ага, три раза. Не будет тебе диплома Великого Мага, а будет – обыкновенного искусствоведа. Ну, не совсем обыкновенного, но это уже детали.

– Ладно, не смотри так, расскажу, – хмыкнул Дон. – А ты мясо в духовку сунь, ага? А то я уже сырое готов жевать.

Киллер взялся за мясо, едва не забытое в рюкзаке, а Дон – за лекцию. Ну, не совсем лекцию, конечно. На самом деле история ВШ № 13 больше походила на фантастическо-детективный роман. Хоть фильм снимай.

Об основателе школы, Александре Меншикове, Дон рассказывать не стал – времена Петра Великого и его самого не слишком интересовали. А вот про то, как школу в первый и единственный раз попытались закрыть, поведал. В двадцать втором году, по личному распоряжению Троцкого – как рассадник контрреволюции. Ибо ни к чему простому советскому человеку изучать мировую культуру и прочую буржуазную ересь.

Поглядел на непонимающее лицо Киллера – при чем тут это? не из-за школы же его убили! – хмыкнул и добавил, что убийца был сыном выпускницы школы[30]. Так-то! Теперь тот ледоруб хранится в школьном музее, Дон его сколько раз видел! А рукоять у него осиновая. У чего, у чего, у ледоруба! Думаешь, зря Твердохлебов нас учит осинобытию?

– Оси-иновая, – простонал Киллер, дослушав. – Особый агент НКВД доктор Ван Хельсинг против главного вампира России Льва Троцкого! Уже завтра во всех кинотеатрах страны!

Дон сердито фыркнул и пририсовал Киллеру на картонке развевающийся плащ.

– Не знаю, как называется эта нечисть, но что покруче Жеводанского оборотня – ежу понятно. Ты вообще представляешь, сколько людей он уморил? Графу Дракуле и не снилось.

– Все они там хороши были, – буркнул Киллер, почти перестав ржать. – Что, серьезно, осиновая? И лезвие серебряное?..

– Серьезно. Ты сходи, сходи в школьный музей. – Дон сунул ему в руки рисованную на картонке афишу: «Впервые на экране! Леон Ван Киллер: победитель Мракобеса!» – Звезда Голливуда.

Киллер показательно утер слезу умиления и прижал афишу к груди.

– Я подарю тебе моего десятого Оскара, друг! – и снова совершенно неприлично заржал.

---

[30] История не содержит сведений о том, что Каридад дель Рио окончила ВШ № 13. С другой стороны, странности с документами и свидетельствами могут происходить не только в России.

Дон – следом. Думать о серьезном не хотелось, да вообще думать не хотелось.

Киллер, отсмеявшись, снял со стены и с гордо-заговорщицким видом подал Дону тяжеленькое трехрядное ожерелье из пуль.

– Такого в вашем музее нет. Стопудово. Смотри, вот тут гравировка, крест и буквы…

Пули скреплялись джутовой веревкой. И, судя по виду и весу, были серебряными. Перебирая пули и показывая Дону особо выдающиеся, Киллер рассказывал, что вот эту, по легенде, вытащили из шкуры Жеводанского людоеда, а вот эта – смотри, интересная чеканка, правда? – испанская, от ведьм. Дон соглашался, что чеканка интересная, а потом они душевно ржали дуэтом, представляя озадаченное лицо охотника, на которого выходит оборотень в ожерелье из серебряных пуль и спрашивает: почему ленточка на шляпе не синяя, что, не уважаешь?

К этому моменту из духовки уже отчаянно пахло жареным мясом, а еще две бутылки чешского дожидались в холодильнике. Надо было срочно освобождать им место в организме, и Дон, пока Киллер тыкал мясо вилкой, пошел искать заветную дверцу.

Она нашлась в маленьком холле, совсем рядом со входной дверью, правда, почему-то была замаскирована под обычную стенную панель. Конечно, насчет обычной Дон малость того, преувеличил. Хоть они с матерью и не считали копейки, но отделывать коридор натуральным резным деревом себе позволить не могли. А тут… Вся квартира, хоть и небольшая, была сделана, прямо скажем, офигительно. Все натуральное, начиная с теплого каменного пола и заканчивая кожаной обивкой дивана. Даже занавески, похожие на морские водоросли, и те были сделаны из волокна вроде пальмового.

Поискав рядом с дверью выключатель, Дон его не нашел, и решил, что здесь все совсем круто: свет зажигается, когда входишь. Умный дом. Так что он толкнул дверку, вошел – на свою беду, продолжая разглядывать витраж над дверью в студию, – и чуть не покатился кувырком вниз по лестнице. Едва успел схватиться за что-то металлическое, выступающее…

– Ты чего, Дон? – на порог выскочил Киллер, глянул на ругающегося Дона и заржал. Гнусно, перегибаясь пополам и тыча в него пальцем.

Дон тоже заржал. Тоже гнусно, сгибаясь от избытка ржания и тыча пальцем уже в Киллера, немыслимо смешного в завязанном на поясе кухонном полотенце как в фартуке.

Оторжавшись, Киллер объяснил, что это не та дверь. Планировка дурацкая, такая только в Питере и бывает. Туалет с ванной примыкают к спальне, а это – ход в подвал, старый ход, потайной. Смотри, как сделан! И повел Дона вниз по винтовой лестнице, впрямь старой, каменной. По дороге продолжал объяснять, что квартира прямо над магазином, второй же этаж, поэтому лестница такая длинная. Похоже, подвал тоже не прямо под магазином, а еще ниже, под первым подвалом. Папин друг тут хранит всякую ерунду, у него до черта ерунды, и еще вино, там стеллажи такие, винные, как в Лиможском замке.

На замке Киллер запнулся, словно был в чем-то не уверен.

Надо бы расспросить подробнее, подумал Дон, но потом. Сейчас они уже спустились в подвал, темный, холодный и сырой, как и положено порядочным подвалам. И откуда-то слышался плеск воды.

– Свет здесь, слева, – сказал Киллер, и зажег лампочку. Древнюю сорокаваттную лампочку на шнуре, без абажура. – Ничего интересного, если не открывать коробки.

Коробок было много, целые штабеля. Упакованные в брезент и пленку, заклеенные и завязанные веревками, кое-какие с почтовыми штемпелями и наклейками, разного размера и формы, эти коробки громоздились у правой стены. А у левой в самом деле был винный стеллаж с пыльными бутылками. Дон удивился. Вино же нельзя хранить в сырости, оно портится. Правда, куда больше, чем винные стеллажи, его удивил колодец прямо посреди подвала. Круглый, из плотно подогнанных каменных блоков, причем камни были разные: и гранит, и бут, и куски базальта, и песчаник, даже желтый крымский ракушечник. Никакой крышки у колодца не было, так что Дон туда заглянул.

На дне плескалась вода. Черная, маслянисто-блестящая. А по стенке колодца – такой же пестро-каменной – спускалась ржавая металлическая лестница. Судя по вытертой, почти блестящей середине перекладин, ей пользовались, и довольно регулярно.

– Понятия не имею, – снова ответил Киллер на невысказанный вопрос. – Про колодец отец ничего не говорил. Я туда не лазил, не полезу…

– …и мне не советуешь, – закончил за него Дон и выпрямился. – Нет уж. К водяным в гости меня не тянет. Там холодно и мокро!

Кивнув, Киллер пошарил по стеллажу и вынул оттуда пыльную бутыль с пожелтевшей этикеткой. Посмотрел ее на просвет, еще раз кивнул и пошел наверх, оставив Дону почетную обязанность тушить свет.

Вино оказалось красным, терпко-сладковатым и дивно вкусным. А мясо из духовки так вообще мечта поэта. А Киллер еще и рассказал пару баек про отцовских друзей-историков, и Дон – про господ художников. И когда половина мяса была героически спрятана в холодильник до завтра, а вино выпито, на часах – напольных, с гирями и мелодичным боем, – откуда-то взялась половина первого. Зато плед был теплым и мягким, влетающий в открытое окно ветер неожиданно пах свежестью и рекой вместо городского смога, а Киллер под боком сопел сонно и уютно.

Прям не Леон, а Матильда, подумал Дон, подтянул под голову еще одну подушку и тоже уснул.

Еще одно отступление, почти лирическое

Темно.

Тихо.

Только где-то очень далеко капает вода: кап, кап, кап. Чуть реже и чуть тише, чем стучит сердце.

Стены теряются в темноте, и кажется, что никаких стен здесь нет вовсе. И света нет и не будет. Никогда.

То есть это так кажется, а на самом-то деле утро наступит, наверняка, только надо его дождаться, совсем немного дождаться… Сколько времени? Сколько я тут? Два часа? Или три? А может, уже неделю?..

Или – год?

Или там, вовне, нет ничего, а я всегда был тут, всю жизнь брожу среди этих банок, бутылок, витрин…

Угол. Кажется, угол. Кажется, стеклянный. Холодный. Влажный. Поблескивает.

Наверняка стекло, просто стекло, совсем не страшное, обычное стекло!..

И на самом деле здесь вовсе не страшно. Главное – не смотреть по сторонам. И перед собой не смотреть, пусть даже темно и ничего не видно. Ничего – и никого, потому что тут и нет никого!..

А вот под ноги можно. Под ногами пол, просто пол. Я помню: узорчатый, такие на нем разводы и прожилочки. Каменный пол. Наверняка каменный, холодит ноги, чувствуется даже сквозь кроссовки. А был бы деревянный – было б тепло. И тогда бы он скрипел. А этот – не скрипит. Совсем. Только немножко шуршит, если задеть подошвой, вот так:

– Тс… с-сладкий…

Вот как шуршит! Замечательно совершенно шуршит! Почти членораздельно! И совсем даже не страшно!!! И совсем-совсем никто тут не дрожит и не боится. Просто холодно. Мне холодно! А если подошвой еще раз?..

– С-сла-аденький…

Это, наверное, камни разные. А еще, говорят, иногда бывает такой ветер, шуршащий и говорящий.

Это если бутылку на чердаке воткнуть, где сквозняк, я в книжке про такое читал. Наверное, и здесь тоже бутылка… только здесь ветра нет. И тихо, совсем тихо, ничего не слышно, даже машин на улице… или их просто нет? Может быть, уже утро наступило, там, откуда я пришел, а тут – не наступит никогда, здесь же все мертвые, зачем им утро?..

Кап. Кап.

Шарк кроссовкой. Просто шарк.

И дыхание, вот, слышно. Мое. И видно что-то…

Свет?!

Нет, я не дрожу, то есть мне просто холодно, и… Наверное, это луна. Через окно. Здесь же должно быть где-то окно? Или нет? Да есть же, просто мне не видно. Их закрыли на ночь. Пришел сторож и закрыл. А потом ушел. А я остался. Здесь. Один. И свет – через щели, наверняка! Жалюзи опустили, а щели остались. И в них луна, а вовсе не банки. Это не банки светятся, правда же? Банки не могут светиться! И эта голова одноглазая – она же не может улыбаться на самом деле. Это так. Мерещится. Наверняка мерещится!

Шарк-шарк. Шарк. Шарк-шарк-шарк.

Шаги? Но я же стою! Почему шаги за спиной?! Нет же, нет, это мерещится. И сбоку – кажется! Это просто ветер, и вода капает. Надо закрыть глаза, успокоиться и дышать. Ровно. Как вода капает…

Кап-кап. Кап. И ближе – кап-кап-кап. И слева. И справа. Шарк-кап-кап…

Заткнуть уши! Надо закрыть глаза, заткнуть уши и не слушать, и не смотреть! Как Одиссей, он уши заткнул, и я тоже! Там сирены пели, точно, сирены… нет? На улице не слышно сирены?! Вот же, прошуршала машина, пусть это сюда, пусть пожарные, пусть полиция, пусть кто-нибудь… кто-нибудь живой! Кто не шепчет, не шаркает, не поет тонко и фальшиво, на одной ноте… да нет же, это машина проехала, и пол шуршит! Пол, потому что подошва у кроссовок резиновая, рифленая. Обыкновенная подошва, обыкновенный пол. Вот же: ш-ш-ш… ш-што… приш-шел?! Пос-смотреть? Рис-скуеш-шь!

И тут же, грубый голос:

– Днем с-смотреть нужно! Днем тих-хо. Тих-хие мы, безопас-сные.

– Не в то время ты пришел, мальчик! – совсем отчетливо, прямо над ухом.

Голоса окружают, и что-то касается рукавов, спины, пальцев, что-то холодное, мертвое… Нет! Вас нет! Уходите!.. почему вы не уходите?! Почему я не слышу себя, только вас?..

– …С-сейщас-с мы тебя с-смотреть будем…

– …Ручки-ножки. Глазки.

– А уш-шки?!

– Рассмотрим как следует. Растащим по баночкам. Кому чего?! Кому чего не хватает?!

Это не здесь. Здесь никто не говорит! Некому здесь говорить! Это… это просто я вспомнил! Это первого сентября, в школе! Так Кот говорит! Говорил…

Надо уши закрыть. Ладонями. А глаза открыть, да, открыть глаза!

Вот. Вот, ничего тут такого. Просто темно. И витрины, просто. Уроды. В витринах. Заспиртованные. Неживые.

– Уроды?!

Откуда шепот? Я же зажал уши!

Я не слышу. Ничего не слышу, вот так.

Чье-то дыхание на щеке; резкий, аптечный запах бьет в нос. А может, не аптечный? До ужаса мерзкий. Мертвый.

Я ничего не боюсь. Они же не живые.

…Они не мертвые?!

В ладонь – влажное. Похоже на нос. На два носа. Как у той двухголовой косули…

– Смыш-шленый мальчик!.. – шепчет… косуля?!

– Мне все же уш-шко…

– Незачем тянуть! – резкий голос, резкий толчок в спину.

Шаг вперед, прямо к витрине с одноглазой головой, она улыбается, подмигивает, открывает черный рот…

– Мне, мне глазки! Глазки! – сзади, визгливым женским голосом.

Мама! Мама, прошу тебя! Мама-а!

Смех. Шелест. Шуршание.

– Трус-сишь, малыш-ш…

Помогите, кто-нибудь, спасите меня от них!!!

Витрина прямо перед глазами, вот сейчас я упаду в нее, она расколется, и эта голова…

Теплые, живые руки обхватывают меня. Кто-то живой. Мама… мама?

– Пшли прочь! – не мама, голос мужской, живой, сердитый голос. Может быть, это сторож? Пусть это будет сторож!

Я оборачиваюсь, смотрю на него. Черты расплываются, вижу только бородку, усы, темные блестящие глаза. И улыбку.

– Не бойся. Они тебя не тронут, пока я с тобой.

Я верю ему. С ним – безопасно. Он не подпустит их больше. Никогда!

– Ты останешься со мной навсегда?

– Конечно, малыш. Теперь мы всегда будем вместе, – обещает он, улыбается, гладит меня по голове.

Его рука большая и надежная, а глаза – теплые и веселые.

Страх отступает, прячется под шкафы и витрины и оттуда молчит. Ждет.

Не дождется.

Я беру его за руку, хочу спросить: как тебя зовут?..

Не успеваю: где-то далеко бьют часы.

Полночь.

Бьют куранты на Петропавловском соборе[31]. А я сам – в Кунсткамере, и мне восемь. И сейчас я опять проснусь, так и не разглядев лица своего спасителя… или своего чудовища, которое всегда со мной?

Бом-м-м…

[31] Вряд ли, будучи в Кунсткамере, Дон бы услышал куранты Петропавловского, но, видимо, топография его сна не совпадает с реальной топографией Петербурга. – *Прим. авт.*

Глава 6,
в которой говорится о герцоге, пирогах и данайцах

Бом-м…

Дон вырвался из липкого кошмара с первым ударом часов. Сердце колотилось, как после долгого бега, простыня сбилась – видел бы сейчас его кто-нибудь! Хорошо, Маринка еще спит.

Стыдно, господин Горский! Подумаешь, кошмар. Кошмар закончился, доброе утро вам, дышите ровно и думайте о хорошем.

Например, о кофе, которым так завлекательно пахнет… и что-то такое шкворчит едва слышно, и запах дразнит… м-м-м…

Бом!..

Он открыл глаза, бездумно глянул в окно.

Там, за окном, было мокро и прозрачно, как бывает только ранним осенним утром в Питере. Желтый березовый лист прилип к стеклу. Еще бы часик поспать, только без снов…

Глаза закрываются…

Бом!

С Невы протяжно и тоскливо откликнулся пароходный гудок, и следом еще один, на тон выше – это поздоровались первые речные трамвайчики.

Бом!

Пора вставать, но Маринка так славно сопит, свернувшись клубочком в его руках… Грех не поцеловать!..

Дон потянулся к ней, открыл глаза – и замер в недоумении. Потому что вместо привычных каштановых кудрей перед его носом были чьи-то темные, едва волнистые волосы. И пахло не Маринкой. И вообще…

С четвертым ударом часов Дон, наконец, окончательно проснулся и вспомнил: он у Киллера. И целовать его – явно плохая идея, даром что с утра пораньше хочется чего-то этакого. Вот была бы рядом Маринка!

Эх… придется обойтись кофе. И яичницей с ветчиной, или чем там пахнет?.. И откуда пахнет-то? Киллер вроде один живет!

С пятым «бомом» Киллер потянулся и буркнул что-то невнятное, что можно было принять как за «доброе утро», так и за «не хочу в школу». И повел носом в сторону кухни. Расплылся в улыбке.

– Завтрак, Дон!

Волшебное слово, подкрепленное седьмым и последним «бомом», придало Дону достаточный заряд бодрости, чтобы вскочить с дивана – и нос к носу столкнуться с…

– Доброе утро, сударь мои! – сказал слегка дребезжащим тенором очень колоритный старичок и светло-светло улыбнулся.

Прежде всего в глаза бросался – потому что был чуть ниже уровня глаз Дона – красный ночной колпак с кокетливой кисточкой. Самый настоящий ночной колпак! А чуть ниже колпака виднелись седые бакенбарды, явно – гордость старичка. И бакенбарды, и усы, и профессорская бородка были ухожены, тщательно расчесаны и вроде бы даже… напомажены? На носу старичка сидело настоящее пенсне. Овальные линзы, золотая оправа… и сломанное переносье, чиненное аккуратно, виток к витку, уложенной медной проволокой.

– Э… доброе утро, сударь, – машинально откликнулся Дон, отступая и переводя взгляд еще ниже.

На тщательно отглаженный вишневый сюртук с длинными полами.

Сюртук, как и пенсне, знавал лучшие времена. Наверняка лет этак сорок назад он не лоснился на плечах, да и кожаные заплатки на локтях фасоном не предусматривались… как и медали. Целых три смутно знакомых медали, совершенно точно не русские – на одной был крест в круге, остальные Дон не рассмотрел, невежливо пялиться в упор на незнакомого профессора, даже если у него под сюртуком тельняшка и бархатные штаны, и восточные туфли с загнутыми носами и вышивкой золотом по бархату цвета берлинской лазури. А в довершение картины – жесткий от крахмала белоснежный передник, вышитый лавандой и котятами.

Из какого музея он взялся? Или из лампы вылез?

– Доброе утро, Франц Карлович, – подал голос Киллер. – Познакомьтесь, это мой друг, Дон Горский.

Дон вздрогнул и поднял взгляд с котенка на переднике на лицо старичка-профессора. Смущенно улыбнулся: небось целую минуту пялился, как первоклассник в зоопарке. А ведь старичок-то явно одинокий, есть в нем что-то такое, древнее и подзаброшенное.

– Здравствуйте, Франц Карлович. – Дон улыбнулся, не зная, что бы еще такого сказать. Даже странно, обычно он легко находил общий язык с кем угодно, от таджикского дворника до примы «Ла Скала».

Старичок просиял.

– Чрезвычайно приятно познакомиться, сударь! Смею надеяться, вы пьете кофе по-провански?

Кофе по-провански Дон ни разу не пробовал, но все равно кивнул:

– Если это пахнет кофе по-провански, то конечно!

Старичок просиял еще, покивал, тихо пробормотал по-французски о хорошем аппетите растущих детей и засеменил на кухню, откуда плыли манящие ароматы кофе, сдобы и жареной ветчины. А Дон недоуменно оглянулся на Киллера.

Тот, с неменьшим недоумением разглядывая отстиранные и отглаженные джинсы – те самые, вчера залитые пивом, – пожал плечами.

– Сосед сверху. Профессор на пенсии. То ли лингвистики, то ли кулинарии, я не совсем понял. Он такой… ну… одинокий.

Джинсы Дона, толстовка и даже носки с армейской аккуратностью были повешены на спинку того же стула, что и одежда Киллера. Такие же чистые, отглаженные и едва уловимо пахнущие лавандой.

– Э… у тебя что, домовой?..

Дон не удержался, понюхал толстовку и оглядел наконец комнату. Чистую. Аккуратную. Без малейших следов вчерашних посиделок.

Кто?.. Как?..

Ведь не было никого. И никто не шумел. Дон бы обязательно услышал и заметил, он всегда спит чутко. Даже когда мама заглядывает проверить, уснул ли он и выключил ли комп, просыпается. А тут…

Мистика.

– Наверное, Франц Карлович прибрался. Он такой… чистоплотный, да. Кажется, он меня немножко усыновил. Или увнучерил. – Киллер вздохнул и сделал круглые жалобные глаза. – Ну не могу ж я его прогнать? Это невежливо.

У Киллера забурчало в животе, намекая, что не только вежливость тому причиной.

– Я б тоже не смог, – хмыкнул Дон. – Такие запахи!

Полсекунды они смотрели друг на друга, а потом дружно засмеялись и так же дружно ломанулись на кухню, как настоящие вежливые юноши.

Завтрак, накрытый на две персоны, пах так, что Дон мигом забыл и про мистику, и про все на свете… то есть почти забыл. Потому что старичка-профессора на кухне не было. Испарился.

– А где Франц Карлович?

Очень хотелось проверить в кладовке и за занавеской, но там тоже никого не было, совершенно точно. Только на столе, прислонившись к кофейнику, сидела кукла: сантиметров двадцати, с фарфоровым личиком и одетая в платье с турнюром по моде позапрошлого века. Глаза у куклы были зелеными и лукавыми, а в руках она держала кружевной зонтик.

Киллер виновато вздохнул и развел руками.

– Наверное, ушел. Он иногда забывает попрощаться.

И поздороваться тоже, подумал Дон. Странный товарищ. Исчез, даже дверь не скрипнула. И вообще, чтобы старичок – и упустил случай рассказать молодежи о былых временах?

Он только хотел спросить Киллера, часто ли Франц Карлович вот так берется неизвестно откуда и пропадает не пойми куда, как скрипнула входная дверь, а к ароматам кофе, сдобы и ветчины добавилось что-то еще орехово-мускатно-обалденное, да такое, что Дон забыл все свои вопросы и обернулся.

На пороге кухни снова стоял смущенный донельзя старичок, держа в руках блюдо с пирогом. Пышным, румяным, источающим неземные ароматы.

– Я вот, судари мои, пирожок утром испек. Бессонница, знаете ли.

Дон с Киллером, не сговариваясь, засуетились: поставить еще один прибор, пододвинуть стул для профессора. Ну в самом деле, не прогонять же дедушку!

На вкус пирог оказался еще лучше, чем на запах. Дон с Киллером так им увлеклись, что едва не опоздали в школу. Тем более что профессор кулинарии – а может, и целый академик, такие вкусности творит! – смотрел на них умиленно, подкладывал добавки и выглядел совершенно счастливым. Он немножко расспрашивал их о школе, немножко вздыхал о своих внуках во Франции и даже рассказал, на диво коротко, о медалях.

Дон даже не особенно удивился, когда услышал о французском Сопротивлении. Милый домашний старичок вполне мог в молодости быть отчаянным партизаном и пускать под откос фашистские поезда. Или сыпать эсэсовцам в ароматный кофе цианистый калий.

Хоть роман о нем пиши.

Но роман писать было некогда. Успеть бы на первую пару!

Не успели.

Подъехали к школе, когда звонок уже прозвенел.

Из окна актового зала на рык байка выглянула Филька, свела брови и буркнула что-то неласковое.

– Распнет или сварит в кипятке, как думаешь? – задумчиво спросил Киллер, пристегивая байк к велосипедной стойке.

– Скорее испанский сапожок или нюрнбергская дева, – так же задумчиво отозвался Дон. – Мы на первую репетицию опоздали, это вам не революция, это серьезно.

Первая пара была Филькина. В расписании она значилась литературой, причем иностранной и факультативной. Но Филька предпочитала делать практические занятия «для лучшего усвоения материала», а что может быть лучше для изучения Шекспира, чем постановка «Двенадцатой ночи»?

Филькины закидоны с добровольно-принудительным театральным кружком одобряли далеко не все. Повелительница Тьмы снисходительно пожимала плечами и не советовала своим биоклассам тратить время попусту. А товарищ Твердохлебов при упоминании Шекспира морщился, словно лимон откусил. На его взгляд, не было на свете более бесполезного дела, чем театр…

– …еще бесполезнее только музыка, – продолжил Дон посвящать Киллера в школьные реалии. – Это ж о нашем Твердохлебове классический ужастик, ну, знаешь? Когда к нему на занятия заглянули и попросили пюпитр. «Кто здесь Пюпитр, выходи!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.